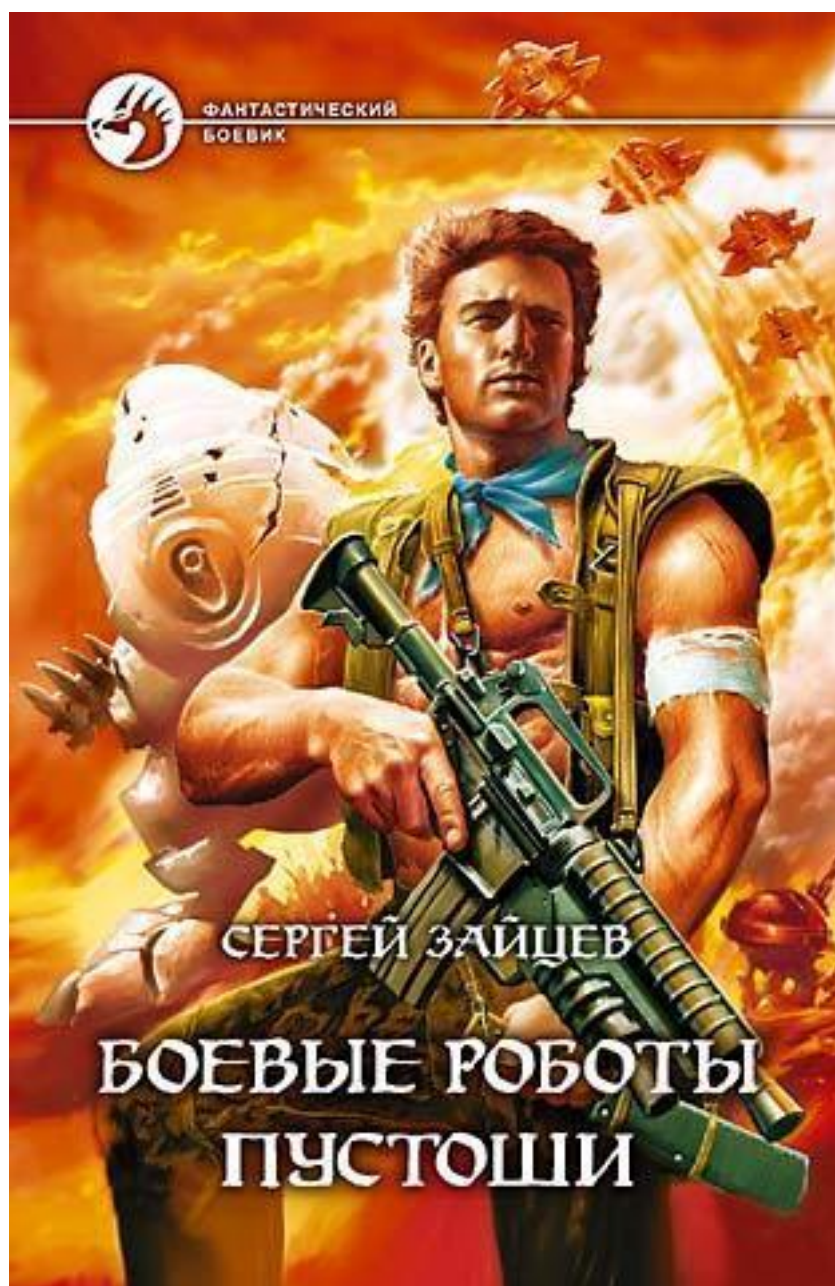

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СЕРГЕЙ ЗАЙЦЕВ

БОЕВЫЕ РОБОТЫ ПУСТОШИ

Боевые роботы

Сергей Зайцев

Боевые роботы Пустоши

«Автор»

2004

Зайцев С.

Боевые роботы Пустоши / С. Зайцев — «Автор»,
2004 — (Боевые роботы)

Вдалеке от галактических центров на захолустной планете Пустошь, или Полтергейст, люди живут в поистине тепличных условиях. Вечный досуг, обеспеченный чудесными свойствами природы, дает им возможность все свое время посвящать развлечениям, главным образом виртуальным. Реальность и игра сплелись в их сознании воедино. Но в одночасье перевернувшаяся жизнь ставит перед жителями Полтергейста вопрос: способны ли они отстоять свою свободу в настоящих сражениях, когда рядом гибнут друзья, чудовищные боевые роботы разрушают не воображаемые, а их жилища и «перезагрузить» игру невозможно?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	35
Глава 4	47
Глава 5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Сергей Зайцев

Боевые роботы Пустоши

Глава 1

Точка отсчета

Низко подвывая компрессорами воздушной подушки, трассер вполз на стояночный пятак и заглох, выключенный командой с лоцмана. Я тут же выбрался из машины на тротуар, не стал дожидаться, пока поднятая компрессорами пыль уляжется окончательно – к черту, при такой жаре лучше поспешить в дом. Ноги обдало потоком тугого горячего воздуха, пока огибал трассер спереди, правой рукой случайно коснулся капота и резко отдернул. От прямых солнечных лучей металлопластик раскалился, как жаровня. Взгляд невольно скользнул по ослепительно желтому диску Призрака, зависшему в зените. Вот же гадство, перетяся в самый разгар дня, когда сам воздух, кажется, плавится от жары, через весь городишко в машине с открытым верхом... И что такого срочного Дед решил сообщить с глазу на глаз, чего я не мог услышать по Сети?

Ладно, незачем гадать. Узнаю на месте.

Особняк старейшины – приземистое одноэтажное здание без особых архитектурных затей – выделялся белоснежным островком среди зелени обширного фруктового сада, одним своим видом обещая спасительную прохладу. Я торопливо одолел короткую дорожку из мозаичной плитки и вбежал по крыльцу из четырех широких ступенек на веранду. Там меня, естественно, встретила привычная глазу экзотика. Ковровую дорожку, что вела в дом, с обеих сторон охраняли ровные ряды объемистых, высотой по колено кадок с пышными, развесистыми кустами тигролий. Веранда сразу наполнилась шипением и шевелением, зубастые почки, бутоны и листья потянулись в сторону непрошеного гостя – ко мне. Непрошеного, понятное дело, для примитивной нервной системы тигролий, не для хозяина особняка – Деда. Его эти растительные твари любили на генном уровне, в соответствии с заказом в общинной биолaborатории. В последнее время мода на растительных уродцев распространилась далеко за пределы нашего столичного городка Ляо, проникнув даже в захолустные поселки. А началось все именно с этой веранды, когда тигролий были выписаны старейшиной с одной из экзотических планет Коалиции, не то Собренды, не то Зармонды... Всех названий не упомнишь, лишний раз ковыряться в справочной системе Сети и перегружать голову ненужной информацией я не собирался. В общем, веранда была длинная, а тигролий чертова прорва, поэтому я ускорил шаг.

На лоцман поступил вызов со знакомым кодом. После мысленного подтверждения приема на виртуальной панели, расположенной перед лицом – чуть выше линии прямого взгляда, развернулся полупрозрачный экранчик с визиткой – ухмыляющаяся светловолосая физия. Ухан Ноэлик. Кто же еще. Успел уже пронюхать, проныра. В строке сообщений появилась текстовая строка:

«Ну что, ты уже на месте? Ага, вижу, вижу. Кстати, есть соображения по поводу того, зачем ты понадобился...»

Между нами издавна принят обмен личными визуальными каналами, данные в них с помощью нейроцепей лоцмана поступают прямо из зрительных нервов, и каждый из нас мог взглянуть на что-либо глазами собеседника. Ухан, например, нежился в кондиционированной прохладе своего дома, восседая в игровом кресле с кружкой холодненького светлого пива в

руке, и мне нестерпимо захотелось стукнуть его по макушке, чтобы стереть довольную ухмылку с лица. Видит же засранец, что мне и так несладко.

«Честно говоря, мне сейчас не до тебя, – так же мысленно ответил я. Кодировочная утилита лоцмана автоматически оформила мысль-посыл в соответствующие символы. Очень удобно, когда рот занят кружкой с пивом, как у Ухана. У меня пива не было, но из-за жары напрягать голосовые связки не хотелось. – Я сейчас расплавлюсь и стеку в собственные сандалии».

«Ладно, ладно. Я могу соприсутствовать? Или у вас намечается секретный междусобойчик?»

Можно, конечно, выводить текст поступившего сообщения вместе со звуковым сопровождением, образец голоса Ухана в базе данных имеется, но когда в твоей башке звучит чужой голос, это немного сбивает с мысли, поэтому мы предпочитали обмениваться голым текстом. Правда, пропадают интонации – тон, тембр. А голос, как-никак, является одной из сугубо индивидуальных характеристик любого человека. Но все-таки этот вариант общения менее назойлив и не требует повышенного внимания по сравнению с прочими... Кое-кто из наших общих знакомых считает, что все как раз наоборот – легче общаться голосом, чем постоянно читать текст. Но это уже дело вкуса и привычек, мы свои предпочтения никому не навязываем.

«Валяй, присутствуй. Ничего пока не знаю. Только не отвлекай меня всякими глупостями...»

«Кстати, я тут по Сети новый анекдот откопал...»

«Вот-вот, именно это я и имел в виду, когда говорил о глупостях. А может, тебя все-таки отключить?»

«Все-все, молчу».

Мы оба нередко подшучиваем друг над другом – без всякого желания задеть или уязвить. Добродушный треп, не более того, привычная составляющая нашего общения.

Разговор отвлек внимание. Желто-зеленый побег одной из тигролий, возле которого я оказался гораздо ближе, чем следовало, едва не цапнул меня за руку зубастой почкой. Промажнувшись, полосатая сволочь разочарованно зашипела, а я поспешил убраться на безопасную дистанцию.

Возле двери в холл по сетчатке глаза скользнул луч сканера, дверь тут же открылась, и я вошел в затемненный коридор. Магнитно-озоновый душ тут же омыл тело стерильной прохладой, слизывая испарину и сбивая температуру с поверхности тела и одежды до нормальной. Несказанное облегчение после уличного пекла... Спohватившись, я приказал лоцману включить режим «хроники». Разговаривать с глазу на глаз с Дедом мне приходилось не часто. Удоставаться беседы, так сказать. В основном все общение шло по Сети. Поэтому все эти единичные случаи я записывал – для истории личной жизни. Что-то вроде хобби.

Посетителей Дед всегда принимал в своем кабинете, находившемся в торце длинного коридора. По сторонам которого были двери и в другие комнаты, особняк-то у Деда весьма обширный, но меня это не касалось, так что я потопал к кабинету. К тому же зеленая стрелка виртуального указателя уже вспыхнула в воздухе в полуметре над полом, подтверждая мои умозаключения – запрограммированная предупредительность домокома – домашнего компьютера, отвечавшего за всю электронику в особняке.

Что всегда отличало кабинет Деда от всех прочих помещений, так это обалденная звукоизоляция. Стоило мне подойти к двери, предупредительно отъехавшей в стену при моем приближении, как в лицо ударил самый натуральный рев, а пол под ногами ощутимо задрожал, словно мне навстречу неся ураган. Или стадо взбесившихся зебробоп, что по разрушительности последствий – примерно одно и то же.

Я поспешно зажал уши ладонями и прислонился плечом к дверному косяку, чтобы не снесло звуковой волной. Дед занимался любимым делом – в бессчетный раз смотрел свою

личную коллекцию голозаписей боев между ИБРами – индивидуальными боевыми роботами. Такие сражения раз в стандартный год традиционно проводились на Сокте – небольшой урбанизированной планетке в системе Домен, отстоявшей на тридцать световых лет от нашей Пустоши. В пространстве кабинета, с помощью проекционной аппаратуры заполненного голографическим объемом, задняя стена плавно растворялась в перспективе, переходя в гигантскую арену. Окружавшая ее стометровая железобетонная стена была сплошь испещрена шрамами ожогов и глубоких выбоин от попаданий из разнообразного убойного оружия. На самой арене творился ад крошечный – двое оставшихся на ногах противников – человекоподобный «Победитель» и крабовидный «Часовой», общей массой тонн под сто двадцать, ожесточенно обменивались чудовищными по силе лазерными и ракетными ударами, кружа среди тел уже поверженных роботов-гигантов – бывших союзников по команде и врагов. Павшие дымились на оплавленном песке холмами покореженного металлолома. У распластанного ничком семидесятитонного «Голиафа» из спины, там, где броневые плиты были снесены начисто, вырывался чадающий сноп пламени. Шумовой фон в кабинете Деда, приближаясь к болевому порогу – где-то децибел за сто десять, был заполнен тяжелой поступью гигантов, грохотом рвущихся снарядов и ракет, визгом разлетающихся осколков и крошащихся кусков нанокompозитной брони...

В общем, чистой воды небольшой апокалипсис местного разлива.

В реальности, насколько мне было известно, почти сразу за защитным периметром, окружавшим полигон, – вот этой самой стеной стометровой высоты, начинались жилые кварталы города с колоритным названием Волчья Челюсть. Если бы не эта стена, а также мощнейшее защитное электромагнитное поле, накрывавшее арену сверху и не выпускавшее ни шальных снарядов, ни осколков, то город после первых же игрищ превратился бы в руины. И вот среди всего этого бедлама, царившего в комнате, из развернутого ко мне спинкой глубокого мягкого кресла торчала розовая из-за отсутствия волос макушка старейшины. Казалось, что голограммы роботов едва ли не по нему топчутся своими гигантскими ножищами, а Деду хоть бы хны, сидит и получает удовольствие. И как только он может наслаждаться таким грохотом, экстремальщик чертов, оглохнуть же можно... Впрочем, у всех свои причуды. У нас, в Туманной Долине, не принято вмешиваться в чужую личную жизнь. Незыблемое правило.

Кстати, а не эту ли запись мне довелось лицезреть при позапрошлом посещении, год назад? Я подкинул вопросик по Сети:

«Ухан, узнаешь?»

Ухан – почти такой же любитель «железяк», как и мы с Дедом. Откровенно говоря, пятьдесят процентов населения Туманной Долины ежедневно «рубится» в роботов, а вторая половина проводит время за еще десятком-другим самых хитовых игр года. Но в отличие от меня мой друг Ухан Ноэлик – фанат с «техническим» уклоном, характеристики ИБРов, даже снятых с производства много лет назад, разбуди хоть ночью – отскакивают у него, что называется, от зубов. Поэтому меня ничуть не удивил его немедленный ответ, выданный с этакой легкой небрежностью и превосходством истинного знатока над обычными смертными:

«Ага. Жуткое старье. Сражение команд „Коматозник“ и „Тупоголовые Болваны“, расформированных еще лет двадцать назад. Собственно говоря, ты видишь запись последней битвы между ними. Потому что после нее команды просто перестали существовать. Если поднять материалы тех лет, то можно найти массу всяких статей на эту тему, к примеру, о том, как пилоты из этих команд терпеть не могли друг друга и, попав в финал „Волчьих Игрищ“, поклялись сражаться до тех пор, пока их не остановит смерть. Звучит как романтический бред с летальным исходом, но так все и вышло. Основной боезапас вот у этих самых вояк, которых ты видишь перед собой, вышел еще несколько минут назад, сейчас идет чисто механическая рубка с редкими огневыми оплеухами... Осталось уже недолго – субатомный движок „Победителя“ фатально пострадал от удара ракет минутой раньше, и его охлаждение практически на

нуле, поэтому, когда эти двое вскоре войдут в клинч, намертво зажав друг друга стальными клешнями, то взрывом движка их обоих разнесет в клочья. Печальный конец... А все-таки красиво двигаются, обалдуи. Оба – спецы по „железному боксу“, хотя пилот „Часового“ сильнее, сейчас последует апперкот в челюсть „Победителю“, затем – клинч, как я и говорил...»

«Извини, Ухан, пора поговорить с Дедом».

Сбросив по Сети на лощман старейшины приветствие – иначе сквозь этот грохот я бы его просто не дозволялся, никаких голосовых связок не хватит, я оторвался от дверного проема и вступил в комнату.

«Дед, это я».

Следовало, конечно, обратиться «старейшина Хокинав», да только нашего главного старейшину не только родственники, а вообще весь народ Полтергейста давно называл только так – Дед. Тем самым отдавая дань уважения человеку, уже не меньше семидесяти лет бессменно и мудро руководившему Туманной Долиной – человеческой общиной на Полтергейсте, насчитывавшей по последней переписи сто двадцать семь тысяч «недозрелых, зрелых и перезрелых» душ – по личной терминологии Деда. Мой статус по его разумению застрял где-то между первой и второй категориями, так что вскоре мне предстояло окончательно «созреть», то бишь повзрослеть. Может быть, именно за этим я сюда и прибыл? Прямо нервничать начинаю, как подумаю, что он там для меня придумал, аж мурашки по коже...

Получив сообщение по Сети, старейшина Хокинав предпринял необходимые меры.

Голофонический объем записи свернулся и исчез, словно ветром сдуло, шум оборвался, и наступила благословенная тишина, а вместо арены проявилась задняя стена кабинета, завершенная мозаичным ковром с плавно меняющимся рисунком. Вот черт, и тут красовалась парочка роботов, один из которых приготовился свернуть башку противнику занесенной клешней с плазмопушкой. Ладно, эти хоть не шумят и не мельтешат перед глазами.

Кресло со старейшиной развернулось вокруг оси, предъявив привычное взгляду «содержимое» – седоволосого и седоусого, но еще физически крепкого старика ста двадцати лет от роду. Светлая майка и шорты не скрывали загорелых мускулистых рук и ног, жестким, выразительным рельефом которых трудно было не восхищаться. Я и сам уже несколько лет занимался «строительством» своего тела на тренажерах, но такого результата мне предстоит добиться еще не скоро. Правда, и этой забавной плеши, украшавшей макушку старейшины – весьма характерной для старожилов общины, чей возраст перевалил за вековую отметку, у меня тоже пока нет, так что еще имелось время «покачать» себя как следует.

– Наконец-то. Проходи, проходи, есть серьезный разговор, – спокойным низким голосом заговорил Дед. Он никогда не общался по лощману с глазу на глаз, как это сейчас принято среди молодых да ранних, предпочитал разрабатывать голосовые связки, чтобы совсем не разучиться говорить. В этом вопросе я был с ним солидарен, да и беседа «по старинке» придавала разговору некий оттенок доверительности. Но иногда приходится идти на поводу нового поветрия, иначе приятели не поймут. А свой круг знакомств мне не менее важен, чем Деду – его привычки.

Из соседней комнаты шустро выкатилось еще одно кресло – обычное, неигровое, и остановилось возле меня. Я не преминул воспользоваться предложением и уселся, с удовольствием вытянув натруженные ходьбой ноги.

Снова ожила связь лощмана:

«Хочешь, подкину идею? Все опять сводится к пресловутой „страшной тайне“, которой наша община владеет на этой планете. Дед снова решил поднять вопрос о защите национального достояния».

«Потом, Ухан. Не мешай, если еще не раздумал участвовать в беседе на правах зрителя».

– Я тебя вызвал вот зачем... – Дед умолк, внимательно изучая меня взглядом своих желтоватых, выцветших от возраста глаз. – Кстати, твой приятель Ухан, как обычно, с тобой на связи?

«Эй, не вздумай говорить ему об этом!»

«Если как-нибудь захочешь соврать Деду, сделай это самостоятельно».

– Вижу, вижу, на связи, все-эти небольшие заминки...

Я кивнул, не собираясь отрицать.

– Отключи его. Не хочу, чтобы ты отвлекался на трепотню во время серьезного разговора.

«Черт!»

Это было последнее, что я услышал от Ухана, прежде чем оборвать связь. Ничего, перебьется. В крайнем случае позже прокручу ему запись лоцмана...

– И запись тоже выключи. Режим полного молчания.

«Черт!»

Это была уже моя мысль. Вы тоже это заметили? Иногда наши с Уханом мысли здорово совпадают по содержанию. Я мысленно выполнил требуемое, отключив все приемные радиопорты лоцмана. Снова кивнул.

Дед, удовлетворенный моей исполнительностью, откинулся на спинку кресла:

– Ты должен выполнить для общины серьезное задание. Совершить, так сказать, рейд в тыл противника.

– Рейд?

Из-за своего хобби старейшина Хокинав нередко употреблял военные словечки, а мне, когда он это делал, нравилось его поддразнивать своей кажущейся наивностью. Как и ожидалось, Хокинав не упустил случая поворчать:

– Сомаха, сколько раз тебе говорил...

Ну вот. Он все-таки это произнес. В этом месте я на минутку прервусь, так как Дед только что озвучил мое имя вслух, а происходит это нечасто. Всю сознательную жизнь отбиваюсь от насмешек со стороны сверстников, а иногда и близких приятелей, но ничего не поделаешь, Сомаха – это я. Такое вот полумужское, полуженское имя. Когда мои предки были на двадцать четыре года моложе – именно столько в этом году мне стукнуло, им взбрело в голову поковыряться в межпланетной инфосети в поисках подходящего имени для своего будущего отпрыска. Местные благородные имена с двухсотлетней закваской, традиционно принятые на Полтергейсте, особенно всякие там Голованы, Руконосы и Ухошлепы, почему-то перестали их устраивать. Когда по всем прогнозам до моего рождения оставался всего месяц, они не придумали ничего лучшего, как набросать список имен, имеющих хождение в других человеческих мирах. Получилось тридцать три имени – ровно столько дней наличествовало в первом из двух месяцев короткой весны Полтергейста.

А затем поставили список на «счетчик».

Я увидел свет двадцать третьего числа и автоматически получил имя под тем же номером. Лет в двенадцать, когда я уже был сыт по горло насмешками сверстников, я не вытерпел и высказал свои претензии отцу. Он грустно-пре-грустно улыбнулся и рассказал мне историю происхождения моего имени. О том, как в ту пору они с мамой безумно любили друг друга и как этот романтический флер наложил отпечаток на их выбор. Собственно говоря, все инопланетные имена казались тогда моим родителям верхом совершенства, личным творением богини Эрато, покровительницы поэзии. А в заключение он сбросил на мой лоцман тот самый список имен, сохраненный для истории. Помню, когда я его прочитал, со мной случилась истерика. Я рухнул на пол и смеялся до слез, до спазмов в животе, смеялся так, что едва не задохнулся. Перепугал отца не на шутку. Но с тех пор я больше никогда не высказывал претензий родителям. Сомаха так Сомаха. Отличное имя. Замечательное имя. Куда лучше, чем могло бы быть... Дело в том, что имя Сомаха стояло как раз между Кондоном и Жопесом. Представьте,

сколько было бы у меня друзей и сколько врагов с одним из этих двух имен. Иногда даже самые умные и замечательные родители совершают потрясающие глупости, особенно когда влюблены друг в друга по уши и находятся в плену своих эмоций...

Теперь забудем об этом маленьком отступлении и продолжим:

– Сомаха, сколько раз тебе говорил – если не знаком с каким-либо словом, загляни в сетевой словарь, но не...

– Да уже, уже, Дед, не кипятись. Рейд – это... – продолжая прикалываться, я взглянул на развернувшуюся перед глазами справочную страничку с ответом на запрос в Сеть. – Погоди, здесь больше десятка разных значений, какое...

– Второе, – без заминки уточнил Дед, явно помнивший эту страничку наизусть.

«Набег, стремительное продвижение в тыл противника, с целью осуществления боевых действий», – прочел я и удивленно посмотрел на Деда.

– И кто же будет нашим противником? В выцветших глазах старейшины Хокинава промелькнула тень укоризны.

– Каждый, кто не знаком с тайной нашей планеты, что тут непонятного? И прекрати задавать мне риторические вопросы. Не хуже меня знаешь положение дел в общине. В общем, рейд обязан быть скрытным, быстрым и обязательно – удачным. Если осрамишься, я не стану больше поручать тебе серьезных дел.

Черт побери, он уже в третий или четвертый раз напирает на серьезность предстоящего задания. Это начинает нервировать. Похоже, и впрямь мне предстоит что-то нешуточное...

– И что же станет целью этого, так сказать, «рейда»? – уже настороженно поинтересовался я, отбросив всякую легкомысленность и постаравшись сосредоточиться на разговоре.

Дед вскинул указательный палец – надо заметить, вовсе не скрюченный артритом и весьма выразительный, и со сдержанной торжественностью заявил:

– Боевые роботы. Пришла пора завести для нашей колонии парочку боевых роботов.

Ах вот оно что. Недаром меня так беспокоила просьба Деда прибыть для разговора лично. Уровень развития современных технологий диктует соответствующий стиль жизни, поэтому для решения любых текущих вопросов административным работникам Управы достаточно провести обсуждение по Сети, а рабочий день каждого, соответственно, проходит в собственном доме. Все бытовые элементарные удобства, вроде чашечки кофе и туалета, всегда под рукой, кроме того, находишься в том варианте комфорта, который сам для себя сотворил. Что еще нужно для создания отличного рабочего настроения? К тому же это еще и весьма экономно, так как бюджет не приходится тратить на обслуживание дополнительных помещений. Но для особо важных дел Дед предпочитал все-таки стародавний способ обсуждения – с глазу на глаз...

Заявление начет роботов, не скрою, меня здорово взволновало.

– Дед, когда-то ты уже поднимал этот вопрос...

– На этот раз все нормально, Сомаха. В связи с последними событиями во внешнем мире Совет старейшин поддержал меня целиком и полностью. Иной раз сама жизнь подкидывает весьма убедительные аргументы для особо твердоголовых...

Твердоголовыми для старейшины Хокинава были все, кто не соглашался с его точкой зрения по тем или иным жизненным позициям. Иногда и я попадал в эту малопочтенную категорию, но редко.

– Боюсь, я что-то пропустил. – Я нахмурился. Не люблю попадать впросак, особенно в разговоре с Дедом. – О каких событиях идет речь?

– Эх, молодежь, – укоризненно произнес Хокинав, погладив лопатообразной ладонью розовую плешь. – Если бы ты внимательнее смотрел новости последние пару месяцев, у тебя не возникло бы подобного вопроса. Но у тебя и твоих приятелей вместо мозгов одни «гэпэшки», поход к унитазу и то на таймер ставите, чтобы не забыть опорожниться...

Дед временами бывает грубоват в подборе выражений, не без этого, но задело меня другое. С этим жаргонизмом, я думаю, вы все прекрасно знакомы: «гэпэшки» – игры Глубокого погружения сознания в виртуальную реальность с фильтрами обратной связи, когда мир настолько правдоподобен, что... Впрочем, о чем это я? Кто в наше время может этого не знать? Учитывая, что «гэпэшками» страдает все население Полтергейста, от мала до велика, игры для общины – дело святое, и только старейшина мог позволить себе столь уничижительно отозваться о них. Можно подумать, что сам он целыми днями скачет по капустным грядкам с мотыгой в руках... И кто, кстати, только что развлекался, просматривая старые голозаписи «железных» сражений?

Железа, кстати говоря, вернее – стали, в современных роботах всего процентов сорок от общей массы, остальное все – композиты, но укоренившийся термин придуман не вчера, а плоды народного творчества, как известно, не всегда соответствуют действительности.

– Дед, ну зачем... – Я оборвал себя, вовремя сообразив, что от меня сейчас требуется совсем другой ответ, и мелкие обиды вполне могут подождать. – А что требуется лично от меня?

– Ты за ними и отправишься.

Я с большим трудом сохранил на лице невозмутимое выражение, потому что внутри у меня все аж подпрыгнуло. Именно это я и надеялся услышать. Если честно, я был готов отправиться на Сокту прямо сейчас – не часто выпадает возможность попутешествовать на другую планету за счет общины. Но ответить восторженно-щеничьим «да» было бы просто неприлично. Опрометчиво. Недостойно. Если бы я это сделал, то сразу бы упал в глазах Деда, доказав собственную незрелость, и он, возможно, нашел бы другую кандидатуру на эту роль. Дед частенько говорил – вести себя несдержанно – глупо и недостойно. А я легко перенимал его взгляды, потому что у нас схожие характеры, и его жизненный опыт был более ценен для меня, чем личный опыт любого другого человека. Жизненное кредо Хокинава – никогда не говори «да», если не обладаешь полнотой информации о рассматриваемом вопросе. Всем своим подчиненным в Управе и родственникам он плешь проел постоянными нравоучениями об ответственности за свои слова и поступки. Поэтому для приличия мне предстояло немного потрепыхаться. Сложное занятие, если ты заранее уже на все согласен, не так ли? Я пожал плечами:

– Слушай, Дед, я же ни черта не смыслю в военной технике. Почему бы тебе не послать нашего начальника милиции?

Дед одобритительно кивнул, с легкостью разгадав мою игру в кажущееся безразличие, но тем не менее одоблив саму попытку.

– Потому что старейшина Апекс – старый перхун, мой мальчик. Нет, конечно, он отлично справляется со своими обязанностями, но в технике разбирается еще меньше, чем ты. О Варфоле, нашем главном технаре, тоже можешь не напоминать. Мы оба знаем, что эта должность всегда была синекурой, призванной усыплять бдительность чужаков, изредка посещающих нашу планету. В том числе налоговых инспекторов Центра. Поверь мне на слово, твой интеллект я оцениваю гораздо выше, чем его. К тому же молодость, молодость... ты разберешься, что к чему, хотя бы потому, что тебе будет интересно. На голом энтузиазме. Не зря же ты столько времени просиживаешь за играми, в тех же самых «Железных Болванов». Я смотрел рейтинговую таблицу по сетевым баталиям общины, твои результаты – одни из лучших. Реакция, пилотирование, огневое мастерство...

Приведенный аргумент меня здорово изумил и озадачил. Я даже подумал – уж не подкрадывается ли к нашему старейшине старческий маразм? Но тут же отбросил подобные домыслы, как недостойные – до сих пор Хокинав, несмотря на почтенный возраст, ни словом ни делом не давал повода усомниться в своей дееспособности. Значит, что-то у него на уме этакое, о чем мне пока неизвестно. Но и согласиться я тоже не мог, просто потому, что это было бы неправильно. Может быть, это одна из его очередных маленьких проверок, на которые он большой

любитель? Старейшина, вне всякого сомнения, был очень мудрым человеком. Он мог начать разговор издали, с самых разных уточняющих и наводящих вопросов, казалось, не имеющих никакого отношения к предстоящему делу, но частенько таящих подтекст, о котором не всегда и догадаешься. А затем мог оборвать разговор на середине, чтобы распрощаться с кандидатом – если к тому времени у него успевало сложиться отрицательное мнение. Это вовсе не значило, что он поставил на тебе крест на всю оставшуюся жизнь, нет, просто для данного дела и в данный конкретный момент ты не годишься. Недостаточная моральная зрелость, отсутствие нужных знаний или понимания проблемы, да просто повышенная нервозность из-за каких-нибудь семейных неурядиц – причин мог быть целый вагон и маленькая тележка. Но сейчас все складывалось иначе. Раз Дед начал разговор в лоб, значит, решение принято заранее. Поэтому от меня, скорее всего, требовалось лишь показать, насколько глубоко я способен вникнуть в поставленную задачу. Только вот я не имел ни малейшего представления, с чего начать, как к этому подступиться. Поэтому просто закинул пробную удочку:

– Дед, но игры и жизнь – это же совсем разные вещи! Я ничего не понимаю в устройстве этих чертовых роботов. В играх такие детали не освещаются, там это просто не нужно...

– Часто ли мы знаем устройство приборов, которыми пользуемся? – ухмыльнулся Дед в седые усы. – В общем, так, мой мальчик, Хрусталиты – наше национальное достояние, и пора обеспечить ему приличную защиту...

Прямо слова Ухана, один к одному. Может быть, он уже был в курсе еще до этой беседы? Мысль напряженно работала, выискивая, что бы еще такого спросить, причем по существу...

– Кстати, а что там такого интересного я пропустил в новостях, из-за чего Совет старейшин вдруг поднял лапки?

– Грабеж. Ты пропустил грабеж, Сомаха. В малых пограничных мирах опять неспокойно. Всего месяц назад какая-то группа бандитов, назвавшаяся рейдерами Орла и имевшая на вооружении несколько боевых роботов, буквально выпотрошила две небольшие, вроде нашей, колонии на Зармонде и Золотой Плеши. Так что стоит побеспокоиться и на свой счет. Особенно учитывая, что космостража, прибыв на место преступления, ничего не смогла поделать. Рейдеры испарились в неизвестном направлении, не оставив никаких зацепок ни о своем происхождении, ни о неизвестной базе, откуда они совершают набеги.

– Ага... – Я нахмурился, лихорадочно соображая, что именно Деда могло озадачить в этих налетах, ведь от той же Зармонды нашу Пустошь отделяло парсеков шестьдесят, не меньше. Тут я вспомнил про ту полосатую сволочь, что чуть не цапнула меня перед входом в особняк, и меня осенило: – А тигролилии, случайно, ты покупал не на Зармонде?

– Именно там. – Взгляд Хокинава заметно потеплел, ему явно понравилась моя догадливость. – И оставил там весьма крупную сумму. Если рейдеры успели поковыряться в банковской системе колонии биохимиков, то у них может появиться новая цель для разведки боем. В наше время любые космические расстояния не помеха, а находимся мы у черта на рогах. Так что если мы хотим защититься от любых случайностей, то для этого необходимо принять соответствующие меры. Самим. На космостражу рассчитывать не приходится. Да и чревато. От космостражи до Налогового Центра недалеко, если вскроется истинное благосостояние нашего мирка, о котором мы столь усиленно помалкиваем... В общем, ты уже не маленький, сам должен все прекрасно понимать.

Я понимал. Еще бы не понимать. Жаловаться на налет для нас было так же опасно, как и просить помощи, чтобы защититься от этого налета. Официальное расследование быстро положит конец нашей «красивой жизни».

Думаю, сейчас самый подходящий момент открыть официальную страничку. Полтергейст – местное название планеты, бытующее только среди коренного населения. А в звездном атласе она числится как Пустошь. Так вот, Пустошь – ничем не примечательный мирок, расположенный на самой границе космических секторов двух государств-гигантов – Галак-

тической Федерации миров и Коалиции Независимости, включающих в свой состав десятки звездных систем и, соответственно, сотни планет. В данный момент по пакту Соглашения, принятому пятьдесят шесть лет назад, Пустошь принадлежит Коалиции, но нам, коренным жителям, детям Туманной Долины, от этого ни холодно ни жарко. Потому как расположена Пустошь так неудобно для обоих гигантов, что во время военных «междусобойчиков» постоянно оказывается вне зоны боевых действий и ни разу не сгодились даже на роль временного форпоста. Зато, когда приходит время примирения, оба государства, в качестве жеста доброй воли, и надо сказать, с легким сердцем отфутболивают Пустошь друг другу. А кому нужна бесполезная планета? В космических реестрах Пустошь как числилась еще двести лет назад сельскохозяйственной планетой со слабо развитой экономикой, так и остается таковой по сей день. О чем это говорит при взгляде со стороны? Вот именно. О том, что пожить у нас нечем. Тех крох полезных ископаемых, которые мы добываем самостоятельно, едва хватает для наших собственных нужд, соответственно, промышленность не развита, а пригодную для жизни территорию, если взглянуть с орбиты, можно уместить на ладони. Короче, сами едва концы с концами сводим. Вот и получается, что, под чьим бы патронажем мы ни находились, перемены нас практически не затрагивают. Нас такое мнение о себе вполне устраивает. Живем мы тихо и мирно, никого не трогаем и трогать не собираемся. Основной статьей экспорта является белковая масса – продукт переработки водорослей и адаптированных сельскохозяйственных культур. Большинство плантаций сосредоточено в северной части Туманной Долины – обширной и плодородной территории, с трех сторон окруженной грядой древних невысоких гор, а с четвертой окаймленной побережьем Унылого моря. Именно здесь, в южной части Туманной Долины на тропическом побережье, и проживает большая часть населения – главным образом в небольших городах-коммунах. Столицей Пустоши является городок Ляо, названный так в честь первооткрывателя свойств Хрусталитов – природных образований в горах, обладающих уникальными свойствами... но об этом как-нибудь позже, не все сразу. Управляется Ляо Советом старейшин – демократическим органом власти. В старейшины избираются путем общего голосования люди, добившиеся каких-либо успехов в общественной и экономической жизни Пустоши. Повседневная жизнь на нашей планете очень далека от войн, политики и межзвездных интриг. И мы всеми силами стараемся ее таковой сохранить, а для этого необходимо единственное условие – сохранение тайны вышеназванных Хрусталитов. И за двести лет у нас еще не было ни одного прокола...

Фу-ух, кажется, ничего важного не упустил. Пора вернуться к разговору с Дедом.

Я деловито поинтересовался:

– В мою задачу входит найм опытных водителей или...

– Нет, обойдемся без чужаков, – пренебрежительно отмахнулся Хокинав.

– Инопланетников, Дед, если ты о людях. Сейчас говорят так. Чужими обзывают представителей нечеловеческих рас, всяких там дорриков, хиберов или фрайденов, которых людьми ну никак не назовешь, а вот шелтяне или бикаэлки, к примеру, уже просто инопланетники, так как у нас с ними общая генетическая линия, хотя и очень далекая, и потомство, стало быть, между нами возможно...

Я даже испытал удовольствие, умудрившись поправить самого старейшину, и разрешил себе немного погордиться. Естественно, он знал все эти нюансы, просто предпочитал говорить так, как привык. Но устоять против искушения было трудно – ведь он нас не устает поучать по всем аспектам нашей нелегкой жизни.

– Не важно. – Дед улыбнулся, оценив укол. – Так вот, чужих нам тут не нужно, водителей мы воспитаем из своих. А вот достать подходящий софт для обучения наших «мех-воинов» – это в твою задачу входит.

– Погоди, погоди. А почему софт просто не скачать по ГТ-сети? Не жадничай, Дед. Раз тебя потянуло на столь великие начинания, то несколько сотен кредо на межзвездную связь и покупку лицензионного продукта не должны смущать наш бюджет...

– Дело не в этом, Сомаха. На Сокте такие вещи, как покупка «терминаторов», – рядовое явление, там это можно сделать без особой огласки. А если я сделаю запрос с какого-то занюханного Полтергейста, то этот факт может заинтересовать ненужных нам и даже опасных для нас людей...

Да, об этом я не подумал. «Терминаторами» называется программное обеспечение, служащее для получения Специализации по управлению боевыми роботами. Я выругался про себя, чувствуя стыд. А еще считаю себя весьма сообразительным человеком. Еще пара таких ляпов, и поездки мне не видать...

– Твоя мысль явно не поспевает за твоим языком, – продолжал сыпать соль на рану Дед, – и это меня очень, очень огорчает. Ведь я возлагаю на тебя и твою миссию определенные надежды. Кстати, ты ведь еще не прошел Специализацию?

Я подозрительно посмотрел на него. С чего это он спрашивает меня о том, что ему и так известно? Внутри ежом шевельнулось острое беспокойство.

– Дед, если ты рассчитываешь, что я сам пожелаю стать водителем этих консервных банок, то ты глубоко ошибаешься...

– Посмотрим, посмотрим. – Он многозначительно усмехнулся, и мне это весьма не понравилось. Я даже слегка повысил голос:

– Да нечего тут смотреть! Путешествие за роботами – это одно, а всю жизнь управлять этой хреновней... Это же не игра, в конце концов!

– Не торопись, Сомаха, не торопись с суждениями. Никто не заставляет тебя идти против собственных убеждений. Жизненный опыт – очень забавная штука, иногда убеждения со временем, или просто при определенном стечении обстоятельств, меняются сами.

Обычно в подобных случаях я продолжал упорствовать лишь для виду, чтобы доставить ему удовольствие. Если человек спорит – значит, сомневается. Если сомневается, – значит, размышляет. Если размышляет – значит, старается найти наиболее подходящее решение, а не использует первое пришедшее в голову. Не только Дед хорошо изучил все свое окружение, мы, золотая молодежь Пустоши, тоже неплохо знали ход его рассуждений, привычки и пристрастия. Чем частенько пользовались, чтобы подыграть и склонить его мнение в свою пользу. Но почему-то желание слетать на Сокту с этого момента стало стремительно таять. Никогда не думал, что настроение может поменяться так быстро и так радикально. Но в воздухе вдруг сгустились грозовые тучи над моим драгоценным будущим, а я не собирался в ближайшие годы связывать себя Специализацией. Да еще столь никчемной.

– Сомневаюсь, что когда-нибудь захочу водить эти железяки не в «гэпэшках», а наяву, – упрямо заявил я, глядя на старейшину исподлобья. Не хотелось мне этого говорить, но... – Дед... Ты же опытный человек. Почему бы тебе не сделать все самому? Боюсь, задача может оказаться мне не по плечу, а я не желаю тебя подводить. Поверь, я говорю это так же искренне, как и уважаю тебя...

Не прокатило. Никогда не умел беззастенчиво врать. Особенно старейшине.

Дед погрозил мне пальцем, словно нашкодившему мальчишке:

– Обойдемся без лести, Сомаха. Ты сам знаешь, почему я не могу этого сделать. На Сокте я уже неоднократно бывал по различным делам. Возникнет совершенно не нужный нам вопрос, что же глава общины делает в «рае для роботов». А тебя никто и знать не может.

– Понятно, – обреченно вздохнул я. Кажется, с «брифингом» пора было закругляться. – Почему именно я?

– Ты обладаешь чувством ответственности за свои поступки.

Для Деда это был вполне достаточный довод. Но не успел я возгордиться столь лестным отзывом, как Дед испортил весь эффект, как бы между прочим добавив:

– Правда, чувство ответственности у тебя пока всего лишь зачаточное, но любые способности развивает только практика, не так ли? Вот и используй с умом представившуюся возможность.

– Обязательно. – Я нехотя усмехнулся. – Я буду один?

– Этим же делом займутся еще двое. Твой дружок Ухан Ноэлик и...

– погоди, погоди, Дед. – Я даже подался вперед от такого заявления, обеспокоившись не на шутку. – Ничего плохого не хочу сказать про Ухана, но если уж разговор зашел об ответственности...

– Я не хуже тебя знаю этого шалопаю, – успокаивающе улыбнулся старейшина Хокинав. – Зато он хороший программист и поможет разобраться на месте, что нужно для этих роботов, чтобы привести их в норму после восстановления. Сам знаешь, программное обеспечение всегда являлось уязвимым местом при хрустализации. Хрустализация – это... Черт, да потом расскажу, это вообще отдельная тема.

– К тому же он – тоже хранитель, как и ты, – добавил Дед. – Это немаловажно.

Серьезный аргумент. Если дело связано с Хрусталитами, то и заниматься им должны люди, принадлежащие к семьям хранителей Чертога.

– Прости, что перебил, Дед. А кто второй?

– Твоя двоюродная сестра.

На пару секунд я просто обалдел. Спокойно, Сомаха, спокойно. Дед ничего не делает просто так, поэтому, прежде чем что-нибудь ляпнуть в ответ, вдохни поглубже и как можно спокойнее...

– Марана? – едва не завопил я. – А она-то нам на кой хрен в такой ответственной...

– Тихо!

Я осекся и еще раз заставил себя успокоиться.

– Она дружна с твоим приятелем Уханом, поэтому им нетрудно будет играть роль богатых и придурковатых молодоженов, не знающих, куда им швырнуть на Сокте лишние деньги, и ищущих приключения на собственную задницу. Задача как раз под стать этой парочке.

– Ну, Дед, сразу уж и придурковатые...

– Кроме того, она единственная, кто из твоего поколения знаком с боевыми искусствами и сможет за себя постоять.

На этот раз я молчал, наверное, с минуту, прежде чем смог захлопнуть раскрытый от удивления рот. До чего же это глупо выглядело со стороны...

– Да ты что, Дед, – у меня даже голос сел от возмущения, – она же всего год как научилась махать руками-ногами, и то в спарринге с обучающей голограммой! Это же не Специализация, а придурь...

– Ты умеешь больше? – Дед вопросительно приподнял левую бровь.

У него этот жест удается весьма красноречиво – еще бы, тренироваться больше сотни лет на таких, как я. То есть на подрастающих поколениях. А Дед за свою долгую жизнь успел переvidать их немало. В общем, я даже слегка покраснел. И промолчал. Крыть было нечем.

– Вот то-то же. – Хокинав посуровел, и я понял, что аудиенция закончена. – Пора вступить во взрослую жизнь, Сомаха, и поработать на благо общины.

На благо общины. Да, именно так. Тут он меня уел. До сегодняшнего дня я не испытывал нужды ни в чем, община обеспечивала меня, как и любого моего соотечественника, кровом, пищей, развлечениями – все самое современное, и все бесплатно. Вечный отпуск. Я знал, что на других планетах живут не так. Чтобы добиться такого благосостояния, которым каждый из нас обладает от рождения, многим приходится долго и упорно трудиться, иной раз – всю

жизнь, и лишь их дети получают возможность действительно поднять свой жизненный уровень выше родителей.

Большинство из нас – баловни судьбы, не имеющие никаких обязанностей. Но для того чтобы все оставалось по-прежнему, кому-то из этого большинства необходимо заботиться об остальных. Например, Совету старейшин. Или тем, кому Совет поручает текущую работу. Или – хранителям. Дед не ошибся, выбрав именно меня. Он чертовски прав в выборе хотя бы потому, что мне действительно не безразлична судьба общины. И чувство долга перед ней, проснувшееся после его слов, заставило отодвинуть собственные желания на второй план. Какое право я имею отказываться? Как я еще могу отплатить общине за все эти годы счастливого безделья? Правда, последний год в моем сознании что-то изменилось, и безделье уже не казалось счастливым, а скорее тягостным, хотелось заняться чем-то более стоящим, чем сражения в сетевые «гэпэшки». Что ж, любые перемены к лучшему, а главное, подходящее занятие подвернулось очень вовремя, чтобы сбить накапливающуюся хандру. Может быть, после поездки и личные отношения с Сонатой как-то утрясются...

Да нет, вряд ли. Эти отношения надо рвать, и рвать бесповоротно.

Я поднялся на ноги, проводив хмурым взглядом кресло, поспешившее ретироваться в соседнее помещение, и нехотя уточнил:

– Когда я отбываю?

Глава 2

Многообещающее начало

«Космопорт», конечно, слишком громкое название для забетонированной площадки размером триста на триста метров, окруженной невысоким ограждением из термопластиковых плит. Несколько вспомогательных построек, сиротливо прижимавшихся к ограждению изнутри, рядом со входом – склад, мастерская для мелкого текущего ремонта да будка таможни – вот и весь непритязательный сервис нашего космопорта. Но ничего лучшего Полтергейст гостям из космоса предложить не мог. Во-первых, потому что мы не любим незваных гостей. Во-вторых, как я уже упоминал выше, потому что наша колония официально считается одной из самых бедных и удаленных от федерального Центра, и шикарный космопорт ей просто не по средствам. Да и без надобности.

Я остановил трассер недалеко от проходной, рядом с уже припаркованной машиной Ухана – такая же, как и у меня, незатейливая модель вседорожника с открытым верхом. Кажется, их производят на Нове-2 – сплошь урбанизированной планете из системы Новьен, входящей в Галактическую Федерацию миров. Спрашиваете, зачем так далеко делать закупки, аж на территории соседнего звездного государства-гиганта, если подобная техника производится гораздо ближе, на той же Сокте, например? Ответ прост – техническое совершенство продукции с Новы-2, слава о котором доходит даже до такого захолустья, как наше. В трассерах практически нечему ломаться, так уж они устроены. Для нашей колонии это немаловажный фактор, ведь технической базы для ремонта почти никакой, ну, кроме Хрусталитов, конечно, но это – особая тема. Обещаю, как только попаду в Чертог, так сразу все и расскажу, на месте, с наглядными примерами и описаниями...

Компрессоры воздушной подушки в последний раз взревели, разгоняя прокаленную солнцем пыль, и обессиленно заглохли, повинувшись мысленной команде, послушно ретранслированной лоцманом в блок управления. Я тяжело вздохнул, в который уже раз безотчетно скользнув взглядом по Призраку, по-прежнему изливавшему нестерпимый жар с выгоревшего до белизны неба, и выбрался наружу.

Окошечко будки пропускного пункта пустовало – старого Голтона-диспетчера не было на месте, так как его услуги в данный момент не требовались. Собственно, вся администрация космопорта сводилась к Голтону с его будкой, служившей одновременно пропускным пунктом, таможней, регистрационной, кассой и диспетчерской. Все эти виды деятельности требовались лишь тогда, когда прибывал какой-либо торговый или инспекционный корабль, а происходило это редко. Еще бы, кому не жаль тратить время и деньги на такую дыру? Только полному болвану. Или отпетому негодяю, на счету у которого бессчетное количество противоправных дел, бегущему от правосудия куда глаза глядят. Регулярного пассажирского сообщения между Полтергейстом и другими обитаемыми планетами не существовало, поэтому если и появлялись залетные пташки, то прибывали они только с торговцами. Например, с такими, как Кассид Кассиониец, чей челнок – небольшой приземистый кораблик класса «планета-орбита» сейчас дремал на термобетоне посреди поля. Впрочем, Кассид по давней договоренности с общиной, если направлялся на Полтергейст, не брал пассажиров, а с непрошеными гостями других торговцев мы давно научились справляться собственными силами. Как-нибудь расскажу, как это выглядит... Миновав проходную, я прошел на территорию космопорта и торопливо зашагал к челноку. Солнечный свет, отраженный от раскаленных керамических плит, служивших защитным покрытием посадочного поля, слепил глаза, а исходявшие от них волны жара обжигали ноги даже через толстые подошвы сандалий. По распаренному лицу за ворот рубашки сбегали струйки пота, так что чувствовал я себя, как разваренная рыба в кипящей кастрюле. Достала

уже эта жара. Одно утешение – лето когда-нибудь да кончается, осень с теплой, тихой погодой уже не за горами...

Странное ощущение вдруг охватило меня в тот момент, когда я приближался к челноку Кассида Кассионийца. Словно какая-то часть моей жизни осталась за турникетом на проходной, и потеря уже необратима. Обдумать предстояло многое... В том числе и ту секретность, которую Дед накладывал на предстоящую миссию, а также поспешность, с которой он отфутировал меня к космопорту – прямо от крыльца своего особняка'. Не позволив даже заехать домой и собрать необходимые в дорогу пожитки, но пообещав, что все нужное меня будет уже поджидать на корабле Кассида. Я-то думал, что после этого разговора меня уже ничто сегодня не сможет удивить, но эта поспешность... В общем, до космопорта я добрался слегка обалдевшим. Как после очень долгого погружения в «гэпэшку», когда после выхода иной раз не можешь понять – то ли ты выбрался наконец из игры, то ли перешел на новый уровень сложности, до безобразия смахивающий на твою реальную жизнь.

Из-за двух пар широких стреловидных крыльев, в данный момент максимально выдвинутых из фюзеляжа и работающих вместе с его зеркальным покрытием в режиме солнечных батарей, челнок напоминал беременную бабочку. Корабль-матка этого челнока, способный совершать гиперпространственные прыжки, понятное дело, находился на орбите. На планету таким гигантам путь заказан из-за аэродинамических характеристик, вернее из-за полного отсутствия оных, а также из-за гравитации, он просто развалится в атмосферных потоках на кучу никуда не годных деталей. Корабль Кассида назывался «Забулдыгой», и его уделом был открытый всем звездным ветрам космос. Поэтому мелкие грузы и пассажиры доставлялись на планету с помощью «Мини», а то, что оказывалось покрупнее, выпадало на долю «Макси» – грузового челнока грузоподъемностью в четыреста тонн.

По короткому трапу я забрался в салон корабля. Мои друзья – Ухан Ноэлик и Марана Шоэлл, уже поджидали меня внутри, усевшись рядышком на мягких пассажирских креслах. На обоих – свободные светлые шорты и майки, привычное одеяние для улиц Полтергейста. Крупная рука Ухана, вся в светлых завитках волос, по-хозяйски лежала на хрупких плечах моей двоюродной сестренки. Хрупких только с виду, потому что если бы Марана захотела постоять за себя, то Ухану бы мало не показалось, несмотря на его внушительную комплекцию... Меня не удивило ни полное отсутствие реакции на мое появление, ни погруженный в себя взгляд у обоих. Понятно. Не дождались меня, на пару ушли в виртуальность, чтобы закончить недоигранные уровни – пока еще находились на планете и высокочастотные гигагерцевые радиошупальца лощманов дотягивались до ретрансляторов Сети. В космосе можно будет играть только с бортовыми компьютерными системами корабля.

Ну и отлично.

Молча выбрав свободное кресло, я прошел в салон и с облегчением уселся. Мне было не до разговоров, а лощман я отключил еще раньше – Хокинав настоятельно порекомендовал мне на связь ни с кем по пути не выходить. Раз старейшина просит, даже не объясняя причин, то лучше так и сделать – ему виднее. Вероятно, не все так гладко с Советом старейшин, как он расписывал, но это уже не мое дело.

Дверца челнока захлопнулась, и измученное жарой тело обволокла прохлада.

Я невольно улыбнулся, разглядывая своих друзей. Из-за колоритных различий во внешности, когда находились рядом друг с другом, они смотрелись несколько забавно. Ухан – светловолосый, рослый и ширококостный парень, с физиономии которого не сходит лениво-добродушное выражение – даже когда он находится в «гэпэшке» и своим виртуальным героем мочит каких-нибудь зубастых и рогатых монстров. Несмотря на постоянные физические занятия по поднятию тяжестей, его мышцы выглядели несколько рыхловатыми, слегка заплывшими жирком. Огромной силы, которой он обладал, у него это не отнимало, но создавало обманчивое

впечатление мягкости его характера. Впрочем, у него и в самом деле на удивление легкий, добродушный нрав, но если его рассердить всерьез...

А у Мараны – стройная, точеная фигурка, и хотя она всего на полголовы ниже Ухана (мы с ней, кстати, одного роста), из моего приятеля при желании можно выкроить целых двух таких сестренек. Отец Мараны, Узбах Шоэлл, был пришлым – темнокожим крепышом с Балмаста. Примерно лет двадцать назад, после пятилетнего испытательного срока, он был признан полноправным членом общины и женился на сестре моего отца. Поэтому у Мараны тонкие черты лица, смуглая кожа, короткие кудрявые волосы цвета безлунной ночи, карие глаза и озорная мальчишеская улыбка. А еще у нее очень большое самомнение и невероятное упрямство в нежелании признавать собственные ошибки. Но Ухану она нравится, и тут ничего не поделаешь. Вечная дилемма. Мужская дружба сплошь и рядом проходит проверку на прочность, когда в нее вторгается женщина. Ладно уж, Мар еще вполне сносная девчонка по сравнению с некоторыми... У меня, например, было гораздо больше проблем со своей собственной подругой, Сонатой Дол... Прошу прощения, я необъективен. Тяжесть и раздражение давно и прочно поселились в душе, когда я думал о Сонате. Частно говоря, я чувствовал громадное облегчение, что пришлось отложить неприятный разговор, намечавшийся между нами на сегодняшний вечер. Наши отношения давно зашли в тупик и не приносили ни мне, ни ей никакой радости, но Соната то ли не хотела этого понимать, то ли надеялась, что все еще утрясется. К черту, не хочу я думать об этом сейчас.

Посреди салона прямо в воздухе сформировался небольшой круглый голоэкрэн, на котором проступил облик Лайнуса – пилота челнока. Зябкий холодок прошелся по позвоночнику снизу вверх, всегда – одна и та же реакция. И не у меня одного. Лицо, словно вырезанное из холодного неодушевленного мрамора величайшим скульптором всех времен и народов. Безупречные черты – нос, губы, скулы, подбородок. Идеальные линии и пропорции тела. Но больше всего поражали глаза – необыкновенно чистой заворачивающей синевы, источающей лишь холод...

Изучив внимательным взглядом всю нашу троицу и, видимо, решив, что мы вполне готовы к полету, Лайнус снова отключился. Так и не проронив ни единого слова. В ту же секунду двигатели «Мини» заворчали, набирая обороты, а гибкие автоматические ремни, выскочившие из основания кресел, защелкнулись на наших поясах.

Лайнус – странный тип. Сколько лет его знаю, он никогда не разговаривал с нами. Просто выполнял обязанности. Абсолютно бесчувственное существо.

Мягкий толчок, и корабль оторвался от посадочного поля, плавно устремляясь вверх... Я включил лощман, подсоединился к навигационным системам челнока и по развернувшимся перед глазами виртуальным экранчикам принялся наблюдать за отбытием, скачивая информацию с обзорных камер, встроенных в корпус судна. Разбега у челнока не было – стартовые антигравы подняли его над полем, затем врубилась маршевые движки, и квадрат посадочного поля стал стремительно проваливаться вниз, уменьшаясь с каждой секундой, пока не пропал из виду совсем. Теперь под нами развернулась долина, напоминавшая по форме растопыренную человеческую пятерню. Гряда невысоких гор окружала пальцы – ровные вытянутые участки низменности, почти в любое время года окутанные легким туманом из-за бьющих из-под земли горячих гейзеров. В основании пальцев пролегала цепь пологих холмов – словно мозоли на натруженной ладони, если уж следовать вышеприведенной аналогии. В центре самой ладони молчаливо переливалась зеркальная сине-зеленая гладь озера Нежного. А запястье погружалось в темные воды Унылого моря. Туманная Долина. Сердце почему-то защемило, как-то сладко и тоскливо одновременно. Чувство было непривычным, но удивительно волнующим. Туманная Долина – моя родина. До сих пор вся «жилая площадь» планеты сосредоточена именно в этой долине, в виде небольших поселков среди зеленовато-желтых холмов и зеленых

проплешин посадок из адаптированных культур... Ляо, кстати, находится в запястье, на побережье.

Вскоре и долина растаяла за убегающим вдаль горизонтом, челнок готовился к выходу на орбиту. Мысли невольно вернулись к пилоту, чье суденышко сейчас ходко несло нас к кораблю-матке. Или кораблю-бабке, если уж соответствовать в определениях мужскому роду имени межзвездника – «Забулдыге».

Лайнус – типичный образчик своего народа. Все тавеллианцы – изумительно красивые люди. Утонченность черт и изящество движений, предполагающие на первый взгляд такие же утонченность и изящество манер, на практике самым неприятным образом обманывали ожидания многих людей, никогда не сталкивавшихся с тавеллианцами лично и знавших об их существовании лишь понаслышке. Далеко не сразу понимаешь, что им просто нечего тебе сказать и ты их мало интересуешь... Как-то в разговоре со своим отцом, когда мы обсуждали достоинства и недостатки жителей иных планет, не помню уж, по какому поводу этот разговор возник... не важно. Так вот, о тавеллианцах отец высказался весьма неодобрительно, назвав их людьми-картинками. Особенно его раздражала внешность мужчин. Такие типы, по его словам, часто нравятся женщинам, и очень часто последним приходится жалеть о состоявшемся знакомстве. Проворчав это, отец перевел разговор на другую тему. До сих пор не знаю, что его так раздражало в тавеллианцах, вероятно, была какая-то история в прошлом, а может быть, где-то прочел или просто услышал что-то в новостях. Не знаю. К девушкам Туманной Долины Лайнус за много лет так и не, проявил никакого интереса. Хотя при каждом зависании «Забулдыги» на орбите Полтергейста не упускал случая посетить Ляо, чтобы пропустить стаканчик-другой нашего местного пивка в центральном городском сервис-пабе. Даже на насмешки и подначивания по поводу своей надменности – так воспринималась его необщительность горожанами – никак не реагировал. Словно ничего не слышал и не замечал. Абсолютно бесчувственное существо, как я уже говорил выше...

Если бы только так.

Несколько месяцев назад, когда корабль Кассида привез обновленные базы данных для нашей Сети: новости, сплетни, художественную графику, сенс-книги и прочую необходимую для общества развлекаловку, я неожиданно обнаружил для себя кое-что новенькое о тавеллианцах. И это «кое-что» весьма поразило мое воображение. Тавеллианцы, как запоздало выяснилось, – запоздало для меня лично, для остального мира это обстоятельство секретом уже давно не являлось, тавеллианцы были не совсем людьми в привычном понимании этого слова. Они оказались ментальными вампирами, обладавшими способностью поглощать жизненные силы существ. Как пояснялось в том же файле – в виде самозащиты. В основном. В основном... Смешно, не так ли? Три раза «ха-ха». Любые приемы для самозащиты можно при необходимости использовать как приемы для нападения. В общем, с тех пор при встречах с Лайнусом я уже не воспринимал его столь легкомысленно, как раньше. И одергивал тех из своих сверстников, кто еще не понял его сути или не знал о ней. Не буди лихо, и будет тихо...

Задумавшись, я пропустил момент, когда корабль вышел из зоны действия сетевых ретрансляторов «Циклопа» – главной коммуникационной башни долины, и невольно вздрогнул, обнаружив, что Ухан с Мараной уже какое-то время выжидательно смотрят на меня.

– Сомаха, ты не мог бы нас просветить, что все это значит? – наконец ворчливо поинтересовалась Марана, устав ждать, пока яотреагирую сам. – Хватит изображать государственную озабоченность.

Она всегда так со мной разговаривает. С нотками превосходства и благодушного покровительства в голосе. И благодарить за это я вынужден свою ма, родившую меня на пару месяцев позже матери Мараны. Но я не в обиде. Лично для меня все эти мелкие различия в возрасте не имеют никакого значения, предпочитаю судить о человеке по тому, что он собой представляет, а не по количеству прожитых лет. Дед, к примеру, тоже считает, что у человека вообще нет

возраста, есть лишь жизненный опыт. А кто-то и в двадцать лет способен иметь жизненный опыт больший, чем иной в сорок. То, что Марана полагает иначе – ее собственные проблемы. Ссориться из-за этого я не собирался, душевный комфорт мне всегда дороже мелких дрызг. К тому же, как я уже упоминал ранее, в общем и целом она неплохой человек, и когда-нибудь, возможно, этот налет мнимого превосходства пройдет сам собой.

Выражение их лиц мне показалось забавным. Вернее их контраст. Если Ухан испытывал ленивое удивление по поводу столь неожиданного отбытия – его вообще очень трудно вывести из равновесия чем бы то ни было, то Марана пребывала в хмурой озадаченности с оттенком обиды и недовольства. Дед наверняка ограничился парой лаконичных фраз, отправляя их к космопорту, а гордость Мараны не терпела подобного обращения. Вот только со старейшиной Хокинавом особенно не поспоришь, не так ли? А вообще их реакция вызывала недоумение – нет чтобы порадоваться самой возможности вырваться с Полтергейста. Кроме меня, еще никому из моих сверстников не выпадала такая возможность. Да и мне удалось попутешествовать всего один раз – на ту же Сокту в компании с Дедом, когда мне было всего семь лет. Привычка записывать наиболее значимые события на лощман тогда еще не выработалась, поэтому я почти и не помню о полученных впечатлениях.

– Вождь, ты чего, в самом деле, такой кислый? – Так меня в шутку иногда называл Ухан за мое пристрастие использовать режим «Бога» в ролевых «гэпэшках», когда я выступал в качестве Творца и главного героя игрового мира одновременно.

Ничего не оставалось, как вкратце передать им свой разговор со старейшиной.

Марана выслушала с изрядной долей скептицизма и под конец фыркнула:

– Национальное достояние... благо общины... И что это он о себе возомнил, наш старый Хокинав?

Марана – очень неглупая девушка, но ее бездумный комментарий только подтверждал мои размышления о том, насколько большинство жителей Полтергейста далеки от реальной жизни, от насущных потребностей нашей общины. Правда, входят ли в эти потребности боевые роботы, я и сам пока еще не уверен. Дед лишь предполагает, что они могут понадобиться, и строит свои умозаключения на довольно шатких, на мой взгляд, предпосылках. За двести лет существования колонии Туманной Долины ее еще никто не грабил безнаказанно. И против таких любителей поживиться пока срабатывали природные средства защиты...

Ухан отнесся к сказанному серьезнее. Почесав коротко остриженный светловолосый затылок, он неуверенно улыбнулся, как бы заранее извиняясь за то, что вынужден сообщить:

– Знаешь, Сомаха, а ведь Совет старейшин не знает о задании Хокинава. По крайней мере, знают о нем не все старейшины.

Вывод приятеля ничуть не застал меня врасплох. Мы и сами с усами, можем умножить дважды два без посторонней помощи. Но мне стало интересно, что на этот счет думает лично Ухан, поэтому я озабоченно нахмурился, демонстрируя полное неведение относительно происходящего:

– Это почему же?

– Элементарно. – Ухан улыбнулся чуть шире. – Когда я собирался в путь, мой папаша не преминул поинтересоваться, куда это я намылился и надолго ли.

Вот тебе и на! Отец Ухана, Файсах Ноэлик, тоже входил в Совет старейшин, являясь главой сословия хранителей Хрусталитов. И если Совет принял решение, как заверял меня Дед, то он не мог об этом не знать.

– Ты серьезно?

– Ага.

– А может, он просто проверял тебя на болтливость? – предположила Марана.

Ухан придвинулся к ней поближе и насмешливо шепнул в симпатичное ушко, но достаточно громко, чтобы слышал и я:

– Поверь, я знаю своего предка. Он действительно не имел представления о нашем путешествии. А я, не будь дураком, соврал, что у меня свидание с тобой. С уклоном на ночь. Иначе никуда бы мы сейчас не летели.

– Выходит, Совет по-прежнему против этой идеи с роботами, – задумчиво произнес я.

– Ага. Похоже, Дед принял решение приобрести роботов единолично, и вполне возможно, предоставил для оплаты свой собственный счет, а не общественный.

– Когда это обнаружится, у него будут неприятности... – вырвалось у Мар.

Я видел, что она встревожилась не на шутку. Впрочем, любой из нас троих любил Деда по-своему, так что подтвержденные Уханом подозрения обеспокоили меня не меньше, чем сестренку, но...

– Возможно, неприятности и возникнут, – сказал я. – Но мне кажется, Дед знает, что делает.

– К тому же в истории любого общества имеются примеры, когда большинство не всегда право, не так ли? – Ухан примирительно улыбнулся, стараясь успокоить подругу. – И иногда возникают моменты, когда приходится принимать решения, идущие вразрез с мнением этого недалекого большинства.

Марана неодобрительно посмотрела сначала на меня, затем на моего друга и не удержалась, чтобы не выразить свое возмущение по поводу нашего легкомысленного (по ее мнению) поведения:

– И вы так спокойно сидите и обсуждаете...

– А ты что, предлагаешь отказаться от путешествия на Сокту? – Ухан искренне удивился.

– Я... я не знаю. – В голосе Мар прозвучала явная растерянность.

Я ее прекрасно понимал, потому что и сам, если честно, чувствовал себя не лучше. Очень уж внезапно эта поездка свалилась на наши головы. А вся эта словесная бравада была лишь внешним налетом, защитной реакцией на случившееся.

С небольшими интервалами челнок несколько раз слегка потрянуло, заставив нас замолчать, пережидая. Видимо, преодолевали особо мощные воздушные потоки. Не знаю, в полетах я не разбираюсь. Затем Ухан возобновил разговор, изображая убежденность, которую был бы не прочь почувствовать на самом деле:

– Пойми, нас не в чем упрекнуть, Мар. Если Дед решил пойти наперекор Совету, то это целиком и полностью его проблема. Негативно на нас это никак не скажется. Мы же люди подневольные, выполняем приказы, кроме того, пребывающие в неведении относительно истинного положения дел. К тому же наш старейшина Хокинав не тот человек, чтобы дать Совету себя так запросто слопать. Дед выкрутится из любой ситуации без особых для себя потерь, как уже бывало не раз. Да и кто входит в этот так называемый Совет? Мы все прекрасно знаем этих старичков, их реальные возможности и их умственные способности. Никто из них и в подметки не годится Хокинаву. Скажешь, нет?

– Даже твой отец? – Мар насмешливо прищурилась.

Это сестренка сказала зря. Родители – всегда непростая тема для разговора... Но Ухан и виду не показал, что задет. Он многое сносил от Мар абсолютно безропотно. Любил засранку.

– А что отец? Он ^хороший человек, я его люблю и уважаю, но дальше собственного носа он не видит. Сама знаешь, у меня частенько с ним из-за этого разногласия. – Ухан поморщился. – Любит давать советы, устаревшие лет сто назад, и не желает замечать, что я уже вырос из коротких штанишек, и у меня давно сложилась своя личная жизнь.

– Еще бы он стал замечать твою личную жизнь. Кроме болтливости языка у тебя еще и слабое чувство ответственности за свои поступки, – все еще недовольно проворчала Марана. Используя, кстати, стандартный речевой оборот Деда. Но я заметил, что она явно начала оттаивать, заверения Ухана упали на благодатную почву.

– Ну, наконец-то я дождался признания собственных заслуг! – с повышенным энтузиазмом восхитился Ухан и сгреб мою сестренку в охапку обеими руками.

Как она ни отбрыкивалась, фыркая, точно дикая кошка, как ни шипела, вырваться ей не удалось. Что было неудивительно – сопротивлялась она только для видимости. Они частенько играли вдвоем в подобные игры. А мне оставалось только улыбаться, глядя на них. И стараться не вспоминать о собственных проблемах личного плана.

Через несколько минут челнок вышел на орбиту, нырнул в громадный зев приемного порта торгового корабля Кассида, распахнувшегося при нашем приближении, и пристыковался к палубе грузового ангара. Шум двигателей как отрезало. Небольшая перегрузка, слегка потрепав по пути, оставила нас в покое, теперь нужно было лишь немного подождать, пока в ангаре выравнивается давление.

– Лично я полагаю, что не стоит торопиться с выводами и строить беспочвенные предположения, – сказал я, когда Ухан с Мараной перестали возиться друг с другом и смогли уделить мне часть своего драгоценного внимания. – Я знаю Деда достаточно хорошо и уверен, что Кассид наверняка предоставит нам дополнительную информацию по нашему делу.

Ремни безопасности наконец отпустили нас, гибкими змеями скрывшись в основаниях кресел. Опередив Ухана с Мараной, я поднялся, в два шага добрался до распахнувшейся дверцы челнока и шагнул наружу...

И тут же уткнулся лицом в два мощных полушария женской груди, обтянутых глянце-вито-серым экровеленом. Пришлось поспешно отступить на шаг, чтобы лицезреть бикаэлку полностью. Краска смущения стремительно залила лицо. Здорово она меня подловила, в следующий раз следует быть осмотрительнее. Знал же, что любит она такие приколы.

– Привет, Сомаха. – Голос низкий и густой, как патока, с резонирующими шипящими, но с мужским не спутаешь. Абсолютно невозмутимый. Как и сама Зайда. Представьте себе женщину ростом почти в два с половиной метра, с могучим, но гармонично скроенным телосложением – широченные плечи, тонкая талия, притом тонкая для ее габаритов, а не по общечеловеческим меркам, крутые дуги тяжелых литых бедер. Рыжевато-коричневая кожа, правильные черты лица, иссиня-черные волосы, заплетенные в четыре косы – по две с каждой стороны лица, так, чтобы специально распушенные кончики чиркали по ключицам. Одета Зайда была привычно: поверх тонкого белья – безрукавка, с плотно обхватывающим шею воротничком, и лосины из серого экровелена, особо прочного и потому весьма дорогого материала. Плюс ботинки полувоенного образца – размеров этак на десять больше, чем у Ухана, а у него, между прочим, почти самая здоровая лапа в общине. Но при общей комплекции Зайды ее стопа казалась даже маленькой и почти изящной. Часть лица и шеи женщины была покрыта золотистой вязью татуировок, краешки линий и завитков, явно распространявшихся под безрукавкой по плечам и груди, выползали из-под ткани на открытые взгляду, внушительные даже по мужским меркам бицепсы.

Думаю, теперь вы получили приблизительное представление о том, что такое бикаэлка.

– Рад тебя видеть, Зайда. – Я широко улыбнулся, с трудом поборов смущение. Я и вправду рад был ее видеть. Последний раз мы встречались месяцев шесть назад, не меньше. Естественно, она ничуть не изменилась. Ее имя, кстати, следует произносить правильно – ударение на первый слог, а то она может рассердиться. А когда бикаэлка сердится...

Выбравшись из кабины челнока через пилотскую дверцу, мимо нас молча прошел красавчик Лайнус, надменный и прямой, словно палку проглотил. Даже не удостоил взглядом, словно нас и не существовало, а его «Мини» вместо нас привез воздух. Наверняка отправился в рубку «Забулдыги», чтобы приступить к следующим обязанностям – как пилот-универсал, Лайнус заведовал у Кассида всеми летательными средствами. К месту говоря, с командой Кассида нашу общину связывает многолетнее сотрудничество, на Полтергейсте они почти свои. Но если немногословный Лайнус оставался для нас таким же безликим и холодным, как При-

зрак зимой – наше планетарное светило, то с Зайдой нас связывали особенные отношения. Примерно лет в семь я даже испытывал к этой великанше что-то вроде детской влюбленности, а она, видя такое отношение, неизменно выделяла меня среди другой малышни, одаряя повышенным вниманием. Что, естественно, поднимало мой статус среди сверстников на неизмеримую высоту. Потом влюбленность прошла, но дружеские отношения и некоторый романтический налет в восприятии образа бикаэлки остались.

Потрепав меня по плечу с высоты своего роста – очень осторожно, чтобы ненароком не сломать мне что-нибудь нужное (с ее-то силой), Зайда перевела внимание своих цепких миндалевидных глаз с золотисто-зеленой радужкой на моих спутников:

– Как поживаешь, БэЗэ? Проснись, Ухан, шевели ножками.

Зайде постоянно кажется, будто Ухан спит на ходу, но у него просто такое выражение лица. Я ухмыльнулся, отметив, как недовольно вытянулось лицо Мараны, когда Зайда произнесла столь нелюбимое ею прозвище – БэЗэ. И все же сестренка нашла в себе силы растянуть пухлые губки в приветливой ответной улыбке:

– Привет, Зайда. Надеюсь, мы не стесним тебя в качестве пассажиров?

Бикаэлка пожала плечами:

– Хокинав, как тебе известно, наш давний хороший знакомый, за последние тридцать лет мы выполнили немало его поручений – за хорошее вознаграждение, естественно, так что для нас вы желанные клиенты. Правда, на этот раз придется сделать нечто противозаконное, но...

– Но для вас это не впервой, как и для любого торговца, – закончил я ее мысль. – Интересно, сколько Дед заплатил Кассиду за эту работу?

Вопрос повис в воздухе, так как, развернувшись, бикаэлка уже шагала к выходу из ангара, а на спине, хотя бы и такой широкой, ответ, понятное дело, не прочтешь. Не стоило воспринимать это как грубость – Зайда и так своим поведением очень сильно отличалась от истинных бикаэлок. Несмотря на обычный для них способ зарабатывания денег – охрана и заказные убийства, она была слишком миролюбива и общительна для представительниц своего свирепого и воинственного народа. То, что она с нами вообще поговорила, уже можно было воспринимать как знак поощрения и симпатии.

Ухан и Марана вели себя на удивление робко и послушно, даже словом не перебросились, пока мы шагали по осевому коридору «Забулдыги», пронизывающему корабль сквозь массу поперечных палуб до самого носа. Искусственная гравитация по кораблю распределена довольно хитро – пока шагаешь по осевому коридору, палубы кажутся стенами, вертикальными переборками, но стоит из коридора шагнуть на палубу, как ощущение горизонтали меняется на девяносто градусов, и теперь уже осевой коридор представляется вертикальным колодцем... Прошу прощения, я отвлекся. Лучше вернемся к Ухану с Мараной. По-моему, они даже обошлись без комментариев по лощману, следуя за бикаэлкой. Я их понимал. С Зайдой, с ее всеподавляющей физической мощью, так и прущей из всего ее облика, вести себя иначе просто трудно. И нежелательно. Особенно, если тебе здоровье дорого. Она все-таки не нянька, а воин, привыкший проламывать врагам черепа, и особо церемониться с нашими «нежными» чувствами, вроде чувства собственного достоинства, не станет. Навешает подзатыльников, и вся недолга. Рука у нее тяжелая, кстати. Случалось прочувствовать – в детстве. К стыду своему, «осчастливленный» подобным вниманием, еще и хвастался потом перед сверстниками.

Наконец Зайда остановилась у предназначенной для нас каюты, небольшое пространство которой – три на четыре метра, было целиком занято шестью противоперегрузочными ложементами-коконами, подвешенными над полом с помощью специальных эластичных растяжек. Обождав, пока мы чинным гуськом пройдем внутрь и рассядемся на выбранные лежа, шагнула следом и прислонилась спиной к переборке – та аж закрипела под тяжестью ее тела. И неожиданно ответила на «зависший» вопрос, насмешливо уставившись на меня своими завораживающими золотисто-зелеными глазами:

– Хокинав расплатился ремонтом гипердвигателя «Забулдыги». И я до сих пор гадаю, как при отсутствии промышленности на вашей планете и, соответственно, продвинутой технической базы это вообще возможно. Впрочем, я гадаю об этом уже не меньше трех десятков лет, с тех пор как Кассид заключил с вашей общиной соглашение о тесном сотрудничестве и увяз в ваших делах по уши. Хокинав нам вполне достаточно платит за молчание, если ты понимаешь, о чем я.

Еще бы я не понимал. Кассид, вероятно, не задумываясь, отдал бы правую руку, только бы узнать, каким образом мы восстанавливаем то, что абсолютно не подлежит ремонту. Но секреты общины мы не продаем, а он не такой кретин, чтобы кому-то проболтаться и потерять все выгодные сделки, которые ему определенно и вполне регулярно светят в будущем.

Пока Зайда говорила, я невольно засмотрелся на ее татуировку. Кажется, на ее руках появились новые завитки, которых я раньше не видел. Наверное, еще какой-нибудь болван решил перейти ей дорогу, да споткнулся, причем с летальным исходом. Татуировка у бикаэлок – это очень серьезно. Она рассказывает о родословной, ведущейся у них по женской линии, о том, какое образование женщина получила, из какой касты, сколько у нее мужей и детей, сколько на ее счету поединков, даже какая она по характеру, чем интересуется и чего хочет в дальнейшем. Соплеменник, знакомый с такой «письменностью», без труда прочитает весь жизненный путь женщины по ее телу. Но для меня, чужака, все имевшиеся знания об этом ритуале являлись исключительно теоретическими, почерпнутыми из Сети. Еще я знал, что по обычаю бикаэльцев татуировка наносится на лицо, шею, грудь, живот, руки, даже пальцы. И из того, что у Зайды рисунок доходил только до бицепсов, можно было судить об ее относительной молодости (здесь главное не забывать, что, в отличие от нас, простых смертных, воительницы с далекой планеты без малейших ухищрений медицины доживают до трехсот стандартных лет, если не погибают в схватках, конечно) Вполне возможно, что под одеждой рисунок спускался по груди (каждая с футбольный мяч, между прочим, но при ее росте смотрится вполне гармонично) и животу до самого паха. Обтягивающая безрукавка и лосины не позволяли в этом убедиться, а обнаженной бикаэлку я никогда не видел, да и вообще мало кто из иноплеменных мужчин мог этим похвастаться. С этим у них строго... Случись подглядеть, и такое приключение станет последним в твоей жалкой жизни...

– Теперь слушайте меня внимательно, детки, повторять не буду. – Зайда посуровела, и я понял, что сейчас услышу именно ту дополнительную информацию, о которой и говорил друзьям. – Кассиду некогда с вами трепаться, у него полно работы, поэтому ввести вас в курс дела он предоставил мне. Первое. Забудьте про информацию, которую можете откопать про Сокту в Сети. Сеть – это одно, а жизнь – совсем иное. Сейчас ваш эксперт по этой планете – я. Второе. Полиция на Сокте не любит гоняться за мелкими преступниками, так как планета ими кишит, и отвлекаться по пустякам – значит, упустить крупную рыбу. Наряд прибывает на вызов любой срочности не раньше чем через час – чтобы собрать трупы и составить рапорты. На этом обычно все и заканчивается, если только среди трупов не оказывается действительно важного лица. Поэтому если для спасения жизни придется применить оружие, а на Сокте хватает сброда, для которого нет ничего святого, то не бойтесь наделать шороху. Но после этого постарайтесь как можно быстрее смыться и замести следы. Третье. Я зарегистрирую вас под вымышленными именами как выходцев с Вантесента, где Кассиду придется сделать остановку по пути на Сокту. Легенду о родословной Кассид вам уже подобрал, причем использовал для этого данные реально существующих людей, работающих на нас. Таможня на Сокте в силу местных особенностей не слишком строго относится к своим обязанностям, поэтому если вы не будете специально нарываться на неприятности, то для идентификационного контроля сгодятся и ложные данные. Четвертое. Есть небольшие проблемы. В последних сообщениях Кейнорда говорилось об оживлении слежки вокруг Конторы.

Я невольно переглянулся со своими друзьями.

Канторой между собой мы называли наше предприятие – «Реставрация Ценного Имущества», или просто РЦИ, – негласное представительство нашей планеты, предназначенное для поиска кредитоспособных клиентов на стороне. Причем клиентов, которым позарез требуется восстановить качество вещей, обычными способами восстановлению не подлежащих – к примеру, таких, как раздолбанный гипердвигок «Забулдыги». Наша община неплохо зарабатывала на подобных сделках, но держать их приходилось в тайне от федеральной общественности, подыскивая клиентов через третьих и четвертых подставных лиц крайне осторожно и осмотрительно. И как только в пределах видимости начиналась какая-нибудь подозрительная возня служб расследования всех мастей – от инспекторов Налогового Центра до ищеек криминальных боссов, то сразу приходилось сматываться. Всегда ведь найдутся желающие подохнуть «корову» на халяву. А Кейнорд – бессменный глава РЦИ уже больше пяти десятков лет. Очень мудрый и авторитетный человек. Лично я уважаю его не меньше Деда. Собственно, они с Дедом – закадычные друзья с незапамятных времен, и если Кейнорд присылает подобные сообщения, то к ним следует отнестись как можно серьезнее.

– Кто-то нами снова сильно заинтересовался, – продолжала Зайда после короткой, но многозначительной паузы. – Понятное дело, нам это не впервой, система «сматывания удочек» давно отработана, поэтому Кейнорд дождется вас, сбросит необходимую информацию для Хокинава, а затем прикроет все дела на Сокте и легализуется на другой планете. Но в любом случае предприятие по покупке роботов может оказаться непростым, поэтому вам следует готовиться к любым неожиданностям. Пятое. Оружие. – Зайда нагнулась и подняла стоящий у стены небольшой пластиковый кейс, который я только сейчас и заметил. Движения у нее, как у хорошего хирурга, очень скупые, точные, глазом лишний раз не моргнет. Положив кейс на свободное ложе, она открыла его и проговорила: – Объясняю один раз. Оборудование только высококачественное, ничто из того, что здесь находится, подвести не способно. – Затем развернула кейс к нам, чтобы мы могли видеть содержимое, и, ткнув указательным пальцем в первый из предметов, покоящихся в специальных углублениях, принялась невозмутимо объяснять:

– Станнер системы «Зомби», модель «одиннадцать шестьдесят восемь». При поражении нервной системы биологических объектов вызывает парализующий эффект, продолжительность эффекта зависит от величины установленного разряда и дистанции, при поражении мозга возможна кратковременная потеря памяти. Максимальный разряд в упор может вызвать летальный исход...

В ее могучих руках не то что пистолет, но и кейс со всем содержимым казался игрушечным. Черт, ну до чего же она крупная. Прямо оторопь берет от такой мощи, сосредоточенной в женском теле. Сколько ее знаю, а все никак не могу привыкнуть. У нас-то девчонки все мелкие и изнеженные, одна Марана по собственной воле изучает боевые искусства. Впрочем, если по справедливости, парни ничуть не лучше. Золотая молодежь. Компания избалованных недоумков. И для таких приходится трудиться мне с Уханом и Мараной. Даже обидно, все равно ведь не оценят...

– Дактилоскопический опознаватель в рукояти, – продолжала Зайда, – при первом контакте с рукой владельца произведет идентификацию и больше никому пользоваться оружием не позволит. Большинство нейроразрядников действуют наверняка только с расстояния в семь, максимум в десять метров, поэтому используются в основном как средство защиты. В нашем случае именно это и необходимо.

Тут внимательный взгляд бикаэлки, путешествующий в ходе монолога по нашим лицам, остановился на мне, и в воздухе повисла многозначительная пауза... «Какие все-таки обалденные у нее глаза», в который раз восхищенно подумал я. И разрез – утонченно-хищный, словно выгнутые в полете крылья птицы, и цвет – пронзительная зелень с расплавленным золотом. Наверное, мне до сих пор не удалось избавиться от детской влюбленности. А эта аура силы,

словно окутывающая ее невидимым облаком, в которую попадаешь, как боеголовка, захватившая цель...

О черт, я ничего важного не пропустил?

– Сомаха, станнер предназначен для тебя, – объявила Зайда тоном, не допускающим возражений. – Мой настоящий совет – стреляй в корпус, чтобы наверняка, а затем – контрольный выстрел в голову. Чтобы твой возможный враг на время забыл о твоём существовании. Лучше навсегда.

Прямо какой-то шпионский боевик, черт возьми. Кажется, только сейчас, чувствуя, как внутри пробегает неприятный зябкий холодок, я начал осознавать, насколько все это серьезно...

– Вообще-то в реальности я стрелять не умею...

Марана пренебрежительно фыркнула, услышав столь малодушное признание, а Зайда вообще не обратила на мои слова ни малейшего внимания.

– Далее. – Палец бикаэлки сместился на соседний предмет – круглую матово-серую сферу размером с кулак. – Охранный дроид «Опекун». Ухан, после того как я активирую его, скажешь вслух лишь одно слово – «идентификация».

Ухан заинтригованно кивнул. О таких штуковинах мы были наслышаны, в Сети много чего можно услышать. Да и в «гэпэшках» постоянно используются их игровые подобию. Процессоры интеллекта у дроидов «живые», из особо спроектированной генной инженерией искусственной мозговой ткани, способной даже самостоятельно восстанавливаться при небольших повреждениях. Скорость мыслительных процессов такого чипа многократно превышает реакцию человеческого мозга. Кроме того, процессор дроида относится к низшему классу ИскИ-нов – искусственных интеллектов. То есть этот процессор обладал собственным сознанием, примитивным по человеческим меркам, но способным самостоятельно принимать решения – исходя из сложившихся обстоятельств. Поэтому из них выходят идеальные охранники, иной раз реагирующие на потенциальную опасность раньше, чем человек успевает ее осознать.

Зайда щелкнула пальцем по поверхности сферы, и та бесшумно взмыла в воздух примерно на метр, используя встроенный антиграв.

– Давай, Ухан.

– Идентификация, – послушно пробубнил Ноэлик.

Сфера словно встрепенулась, прыгнула по воздуху поближе к нему, завертелась, затем из неразличимых отверстий на ее поверхности брызнул пучок тонюсеньких лазерных лучиков, быстро ощутивших Ухана с ног до головы. Вес, рост, комплекция, рисунок сетчатки глаза и кожи на открытых участках тела, а также масса иных мелких особенностей, присущих только ему, все было учтено и записано в банк данных «Опекуна».

Я активировал связывавший нас с Уханом визуальный канал, чтобы подсмотреть его глазами то, что он сейчас видел – как ранее он подсматривал за моей с Дедом беседой на планете, вернее, пытался подсмотреть. Ему это тогда не удалось, а у меня получилось – на виртуалку его лопмана как раз поступил запрос от «Опекуна»:

«Идентификация закончена. Определение статуса: хозяин/ временный подопечный/ нейтральное лицо/ потенциальный враг хозяина?

– Он спрашивает... – начал было Ухан, но Зайда его прервала:

– Подтверди статус хозяина.

– Ничего себе, – удивленно вырвалось у Мараны. Ухан не менее удивленно кивнул: «Хозяин».

«Статус принят. Приступаю к работе. Какие будут распоряжения?»

– Э-э... – Ухан снова растерянно взглянул на Зайду.

– Режим ожидания, – бесстрастно подсказала та, то ли тоже подключившись к его лощману и отслеживая диалог, что довольно непросто, если неизвестен текущий код связи, то ли просто хорошо зная порядок действий.

«Режим ожидания».

Дроид снова скакнул по воздуху и замер в метре над макушкой приятеля.

– Он что, так и будет теперь висеть у меня над башкой? – не без иронии поинтересовался Ухан. – Как-то отвлекает...

– Привыкнешь, – парировала Зайда, выуживая из того же кейса тройку бежевых двухсантиметровых дисков и передавая каждому из нас по очереди. – Здесь ваши свеженькие биографии и новые имена. Постарайтесь ничего не менять. Ухан, подробно об управлении дроидом запросишь у него самого или просмотришь данные своего нового лощмана. Старые замените, когда я закончу инструктаж с вами всеми, а сейчас...

– А зачем новые лощманы? – Ухан выразил общее недоумение. – Почему просто не скопировать информацию на старый? У меня же масса личных настроек, которые могут потеряться при переходе на новую операционную систему...

– Вот свои настройки и скопируешь, – отрезала бикаэлка. – А лощманы придется заменить. Эти только выглядят обычными, на самом деле – военные модели с расширенным диапазоном кодированных частот для общения на короткие дистанции вне ретрансляторов. Поверьте, вам они пригодятся. В чужом болоте и квакать надо по-новому, иначе вас быстро выведут на чистую воду.

Тут я не выдержал:

– А почему такое странное распределение имущества – мне какой-то паршивый пистолет, а ему целую охранную систему?

Зайда коротким скупым движением повернула ко мне голову, словно шевельнулся робот. Мне даже почудилось, как в глубине шеи щелкнул, останавливая голову, стопорный механизм. Воображение у меня иной раз здорово может разыграться.

– Не торопись с выводами, малыш. Когда изучишь новые «личины», тебе все станет ясно. И последнее. Я участвую в этой операции от начала и до конца, поэтому заинтересована в ее благополучном завершении. Так что за всеми вопросами обращаться ко мне. И как можно точнее выполняйте мои рекомендации. Понятно? Теперь займитесь лощманами, а мне пора в рубку к капитану...

– Зайда, а мне что? – напомнила о себе Марана, обиженно поджав губки и еще не веря, что про нее забыли.

– Обойдешься, БэЗэ. Женщины с Вантесента не пользуются оружием, их охраной занимаются мужчины. Если у тебя кто-нибудь заметит оружие, то и без того шаткая легенда о выходах с Вантесента даст трещину. Понятно?

– Это почему же я обязательно должна засветиться?

– Отсутствие опыта в подобных делах рано или поздно тебя выдаст, – отрезала Зайда. – Вопрос закрыт.

Я посмотрел на вытянувшееся от огорчения лицо Мар и усмехнулся. Ну что, съела, дорогая сестренка? Кстати, мне показалось или в голосе Зайды прозвучали нотки презрения – к мужской половине рода человеческого, естественно. Ведь у них там, на Бикаэлле, махровый матриархат, и мужчины не играют никакой роли в общественной и политической жизни. Да и не смогли бы при всем желании из-за своих генетических особенностей – разум мужчин почему-то застревал в развитии после достижения пяти-шести лет и таким оставался до конца жизни. Племенные быки. Послушные и почитающие своих матрон производители, как дети в таком возрасте почитают всякую мать. Неудивительно, что бикаэлки невольно или сознательно, тут уже не важно, переносили свое отношение на мужчин из других народов и рас. Но все равно обидно и несправедливо.

– Кстати, – добавила Зайда с некоторым намеком на улыбку, а она не слишком часто проявляла какие-либо эмоции, ситуация определенно чем-то ее забавляла, – на Сокте вам необходимо вести весьма раскованный образ жизни, а то патриархальные нравы, привитые вам с детства, довольно быстро выдадут, что вы не те, за кого себя выдаете.

– О, это запросто, сейчас потренируемся...

Ухан потянулся к Мар обеими руками, но та, раздосадованная тем, что ей никаких игрушек не досталось, пребольно саданула его локтем под ребра. Ухан охнул, но и не подумал обижаться – ему, конечно, по комплекции до Зайды далеко, но и его масса позволяла довольно безболезненно сносить подобные знаки отвергнутого внимания. Поэтому он лишь ухмыльнулся и отодвинулся. А затем проворчал, обращаясь к бикаэлке:

– Не понимаю, зачем такие меры предосторожности? Образно говоря, зачем бежать, если за тобой еще никто не гонится?

Зайда смерила его снисходительным взглядом:

– В корне неверный подход, мальчик. Когда кто-нибудь погонится за тобой и от этого станет зависеть твоя жизнь, уже поздно будет учиться бегать.

Я мысленно поаплодировал бикаэлке – классно она парнишку отбрила. Догадываюсь, чем Ухан недоволен. Ему было просто лень со всем этим возиться. Он больше предпочитал виртуальный мир «гэпэшек», с его условными предметами, которые не усложняют существование игрока своим весом, объемом и размером. Нужно, например, поместить целую виртуальную пушку в не менее виртуальный заплечный ранец – запросто. Хоть танк. Но сейчас я был целиком и полностью согласен с бикаэлкой. Вот только решил промолчать, чтобы соблюсти хоть видимость солидарности с приятелем. Зато Мар не преминула съязвить:

– Вот именно. А если бы ты начал заниматься боевыми искусствами, вместо того чтобы на пару с Сомахой тягать свои железки, то, может быть, оружие тебе и не понадобилось бы.

– И многого ты добила в боевых искусствах, БэЗэ? – с той же едва заметной усмешкой осведомилась Зайда.

Наверное, следует все же раскрыть историю происхождения этого прозвища.

Как-то Марана подхватила простуду и несколько дней подряд чихала так часто, что Ухан неизменное при каждом чихе «будь здорова» в конце концов сократил до БэЗэ, чтоб уж не заговариваться от частоты повторения. А потом это БэЗэ как-то само собой перешло в разряд прозвищ. Правда, несмотря на всю невинность доморощенной аббревиатуры, приходилось употреблять ее в отсутствие Мараны, иначе она могла здорово обидеться. А рассерженная девушка, особенно столь темпераментная, как Мар (это сейчас она такая цыпочка, пока Зайда в пределах видимости), не особенно приятное и полезное для здоровья окружающих явление. Как-то мы с Уханом качали мышцы на тренажерах в его личном спортзале, попутно обсуждая достоинства и недостатки знакомых девчонок нашего квартала, и настолько увлеклись, что не заметили, как Мар вошла в зал. Следует заметить, что по складу своего характера я человек очень терпимый к недостаткам окружающих, а потому ко всему стараюсь подходить максимально объективно. А вот Ухан иной раз позволяет себе куда более едкие замечания, чем следует, – в результате я обнаружил сестренку в тот момент, когда она уже собиралась приложить килограммовой гантелью по макушке моего лучшего друга. И едва успел перехватить руку. Пришлось накрепко запомнить, что иногда у излишне эмоциональных особ «откалывают тормоза». Ухан после того случая пару дней опасливо обходил Мар стороной, прежде чем рискнул заговорить с ней снова, и впредь, до того как огласить окрестности пресловутым БэЗэ, предварительно оглядывался по сторонам и сканировал частоты связи по лощману, чтобы выяснить местонахождение Мар в данный момент.

Но Зайда могла называть Мар так, как ей вздумается, та и пикнуть в ответ не посмеет. Не только потому, что просто ничего не сможет ей сделать. Зайда ей нравилась так же, как и мне. Более того, она открыто и иногда чересчур бурно ею восхищалась, сестренка и рукопашной-то

стала заниматься с ее подачи. Мол, женщины не чета этим слабакам мужчинам, и уж если и владеть боевыми искусствами, то именно им с Зайдой...

– По крайней мере, этих слабаков я уложу запросто, – уверенно парировала Марана, прямо-таки озвучив мои собственные размышления.

Не стерпев такого нахальства, Ухан сострепал на лице грозную мину и сграбастал мою кузину своими ручищами, крепко прижав к себе. На этот раз ему удалось застать ее врасплох. Как Мар ни дергалась и ни визжала, вырваться ей не удалось.

– Так нечестно! Я была не готова! И тут Зайда сказала нечто очень важное о планете, к которой мы направлялись:

– На улицах Волчьей Челюсти нет честных драк. Никто не будет ждать, когда вы приготовитесь. Лучше будьте начеку всегда. – Помолчав, чтобы мы осознали сей интересный факт, закончила: – Ладно, детки, марш в коконы, через пять минут прыжок.

Я многозначительно переглянулся с Уханом, а когда снова посмотрел в ее сторону, то оказалось, что бикаэлки в каюте уже нет. Мы остались втроем. И как это она умудряется при своих габаритах двигаться так бесшумно?

– Класс, – восхищенно произнес Ухан, окидывая помещение не менее удивленным взглядом. – Пока Зайда не вышла, я и не замечал, сколько она занимает места. Сразу такой простор и дышать значительно легче...

– На себя посмотри, – обиделась за бикаэлку Марана. – Сам боров здоровенный, в стандартный кокон не умещаешься.

Насчет коконов-анабиозаторов она зря – они безразмерные, подстраиваются под любое тело. Просто захотелось уколоть, а для этого у слабой половины рода человеческого годится любой способ. Но Ухан слишком толстокожий для таких мелких уколов, а потому просто не обратил внимания, уже размышляя о более важных делах:

– Я вот что думаю, возможно, на время пребывания на Сокте Кассид одолжит Зайду нам? А за дополнительные услуги раскошелимся из счета Деда, а, Вождь? А то натворим по неопытности дел... Кстати, сколько у тебя кредо на банкосе?

– Достаточно, чтобы купить парочку серьезно покалеченных железных гробов, то бишь ИБРов, и заплатить Зайде. – Я пожал плечами, уверенный, что из этой затеи все равно ничего не выйдет.

– У нее уже есть контракт. – Мар презрительно фыркнула, вынужденная напомнить Ухану о прописных истинах.

– Да знаю я, знаю, что она обязана неусыпно охранять корабль Кассида и все его содержимое, – флегматично отмахнулся Ухан. – Но почему бы не спросить саму Зайду?

– Я бы не отказался от поддержки профессионала, – вздохнул я, полностью с ним согласный, – но боюсь, что о своей безопасности на Сокте нам придется позаботиться самим. Мар права, бикаэлки два контракта одновременно не выполняют. Именно для этого нас и одарили всеми этими цацками...

– Вас, может, и одарили, а мне достался только лоцман, – напомнила Марана, обиженно тряхнув кудрявой шевелюрой. – Который мне на фиг не нужен, потому что меня и Старый устраивает. И профессионал вам не нужен, он у вас уже есть. Это я.

– Да ну? – произнес Ухан с таким видом, словно заявление подруги поразило его до глубины души. – Ну, теперь я спокоен. Но ты должна показать, что умеешь. Чтобы я больше не волновался насчет твоих способностей...

Не успел он и глазом моргнуть, как Мар, вскочив и резко вывернув ему руку, заставила Ухана всем телом грохнуться на пол.

– Как ты это сделала? – спросил он, медленно поднимаясь на ноги и стараясь изо всех сил изобразить настоящее изумление. – Я же вешу в два раза больше тебя!

– Элементарно, – купилась БэЗэ, прямо-таки лучась от самодовольства. – Показываю один раз. – Она взяла Ухана за запястье правой руки и согнула в локте, поднимая к груди. Затем резко уперлась левой кистью в его локоть, а правой вывернула руку вбок, наружу от плеча. Ухан даже не шелохнулся, глядя на нее с совершенно невинным любопытством. Марана попытала еще несколько секунд, едва не повиснув на его руке всем телом, но так и не смогла добиться большего. Ничего не оставалось, как сдаться.

– Так нечестно! – обиженно заявила она, отступив на шаг.

– Да ну? – Ухан недоуменно вздернул бровь, с трудом сдерживая внутреннее веселье. – А что именно нечестно?

– Ты был готов, а в этом приеме расчет на неожиданность! Человек инстинктивно напрягается, когда его хватают за руку, это и работает против него.

Этот так называемый «прием» у нас знает любой пацан еще в ту пору, когда под стол пешком ходит. Мальчишки часто дурачатся, отрабатывая его друг на друге. А девчонки обычно так заняты собой, что и не замечают этих соревнований. Неудивительно, что для Мараны даже такая ерунда показалась откровением. Интересно, из какого учебника она ее выудила? Если это все ее успехи, то Дед совершенно напрасно принял ее в расчет как «боевую штатную единицу».

– Эй, детки, хватит дурачиться, нам еще лоцманы менять, – напомнил я.

И мы занялись делом.

Смена лоцманов – операция тонкая и немного нервная, поэтому лично я к ней старался прибегать как можно реже, но сейчас ничего не поделаешь. Отсоединяется лоцман просто – даешь команду, и крошечный электрический импульс рвет ниточки нейросвязей, соединяющих твой мозг с прибором. А затем с легким щелчком расстыковывается молекулярная сцепка, и лоцман у тебя в руке – невзрачный диск в два сантиметра диаметром и три миллиметра толщиной. Зато процесс присоединения нового нанокомпа длится гораздо дольше. Когда прижимаешь диск к виску, то со стороны не видно, что в данный момент под ним происходит. Но теоретически я хорошо представлял процесс. Легкое покалывание, возникшее сразу же после контакта с кожей, свидетельствовало о начале синтеза нейросвязей – сквозь кожу, мышечные ткани и черепную кость непосредственно к мозгу. Связей этих сотни, но они столь микроскопические, что и вооруженным глазом их не разглядишь – где-то в молекулу толщиной, поэтому проходят сквозь клеточную ткань, как тончайшая иголка сквозь крупноячеистое решето. Не встречая сопротивления и не повреждая ткани.

Пять минут нам пришлось помолчать, заниматься лишними телодвижениями, в том числе и трепать языком, во время настройки лоцмана не рекомендуется. Во избежание. А то потом глюки разные ползут... Ощущения при настройке интересные, но не совсем приятные. Слегка кружится голова. Перед глазами какая-то пелена, предметы дwoятся и рябят. А в памяти хаотично вспыхивают давно забытые воспоминания, проносясь мимо рванными сценками... Наконец лоцман поставил необходимый базовый софт, заложенный в его процессор фирмой-изготовителем, с учетом уже отсканированных индивидуальных характеристик моего мозга, естественно, и пелена перед глазами пропала, а на расстоянии вытянутой руки в воздухе развернулась панель виртуалки – виртуального монитора для общения с операционной системой. В данный момент его целиком заполняла фирменная заставка – голограмма безмятежного голубого неба с белыми пушистыми облачками, медленно плывущими вдаль от наблюдателя, на каждом облачке по пиктограмме, стоит на них задержать на секунду внимание, и в голове возникает название операционки – «Плеяда-Х». Со стороны, конечно, никаких «панелей» не видно, все это виртуальное пространство, развернувшееся сейчас перед моим лицом, – исключительно личное, визуальное отображение, поставляется операционкой непосредственно в мои зрительные нервы. Очень удобно. Обычному зрению это не мешает, ведь в наше время люди носят подобные штуковины едва ли не с рождения, так что вырабатывается устойчивая при-

вычка к двойственному видению мира, и скорее почувствуешь себя неуютно без лощмана, чем с ним.

Я мысленной командой стер заставку, набросал на монитор контактных окошек и с минуту погонял лощман в разных тест-режимах. Затем соединился с базой данных корабля Кассида, уточнил текущее бортовое время и поместил бегущие цифирки таймера на привычное для себя место в правом верхнем углу панели. Восстановил прежний код связи, которым пользовался последние несколько лет, Ухан с Мараной наверняка сделают то же самое, чтобы не возникло проблем со связью друг с другом. И только потом позволил себе на секундочку задержать дыхание от восторга. Какая четкость и глубина цветовосприятия! Хорошие машинки, эти военные модели. Быстродействие процессора просто изумляло, ни малейших задержек при любой операции. Нанокomp действительно превратился в одно целое с мозгом. Надо будет погонять на пару с Уханом в какую-нибудь «гэпэшку», посмотреть, чего стоит лощман в режиме повышенного потребления ресурсов...

Внимание отвлекло хихиканье Мараны. Вежливое такое хихиканье. И очень самодовольное. Интересно, с чего это она так быстро запомнила, что в данный момент ей все еще положено дуться на нас с Уханом? Спихватившись, я быстренько отыскал в базе данных свое новое личное дело и, пролистав, понял причину ее с трудом сдерживаемого веселья. Ухан, кстати, тоже уже ухмылялся аж до ушей. Ничего удивительного – теперь они превратились в зажиточную молодую пару с Вантесента, а я... А я утерся несолоно хлебавши. Как это контрастирует с тем фактом, что главный в нашей троице, по определению Деда, именно я! Вот черт...

– Долдон Слюнявчик, – разочарованно проворчал я вслух. – Ну и имечко у этого типа, что сдал напрокат свою родословную. Хорошо хоть не Жопес...

Ухан громогласно заржал, едва не свалившись с ложементы. Марана тоже не удержалась от смеха. Они оба были хорошо знакомы с историей происхождения моего имени. У нее, кстати, очень красивый и заразительный смех. Хрустальный ручей, дробящийся искрящимися осколками о пороги. Совсем не обидно. Чтоб вас...

– Итак, мы – господин Дам и госпожа Туя Сникерсы, – с важным видом заговорил Ухан, – а ты, Долдон (Марана снова прыснула) – поверенный в наших делах, попросту говоря, слуга. Теперь понятно, что имела в виду Зайда? По статусу тебе такая система, как «Опекун», не полагается, слишком дорого. – Надменно задрав подбородок, Ухан вытянул в мою сторону ногу. – Эй, человек, будь добр, почишь мою обувь, а то что-то запылилась...

Тут Ухан замолчал, стоило ему только взглянуть на собственные сандалии. Пошевелил грязноватыми пальцами, выглядывавшими из-под среза носка. Я тоже посмотрел на свои. Марана, кстати, была обута не лучше. На Полтергейсте народ не забивает себе голову, что носить. Но мы-то готовились к посещению мира, где культурные традиции и климатические условия разительно отличались.

– Господа вы мои драгоценные, а если быть честнее – недоделанные, – язвительно проговорил я, – вы, случаем, не находите, что мы все несколько неподобающе обуты для Сокты? Да и одеты тоже. Все эти легкие маечки, рубашонки и шортики...

– Угу, – озабоченно кивнул Ухан. – Распашонки и памперсы...

– При чем тут памперсы? – не понял я, сбитый с толку его комментарием.

– Да так, для рифмы.

– Да где ты тут рифму увидел?!

– Да ладно тебе, что прицепился, как лишай к заднице!

– Придется экипироваться во время посещения Вантесента, нашей новой фиктивной родины, – своевременно вмешалась Мар, чтобы вернуть наше внимание к насущным проблемам.

– Может быть, именно наш видок так позабавил бикаэлку? – осенило приятеля. – Почему же она ничего не сказала...

– А нам головы на что дадены? – резонно заметила Марана. – Раз дошло, значит, первый тест сдан.

Надо отдать должное – иногда в ее прелестной головке мелькают весьма разумные мысли. Пусть она мне всего лишь двоюродная сестра, а кровь все равно сказывается, в нашем роду все страсть какие башковитые...

Вот только от нагоняя наша «голубая кровь» не спасла. Развернувшийся посреди каюты голоэкранный экран заставил нас враз умолкнуть от одного вида Кассида Кассионийца, а его повелительный рык моментально вогнал нашу слабую гражданскую плоть в мелкую дрожь:

– Почему еще не в коконах? Ррр! Зайда вам что сказала? Совсем вас Хокинав распустил, раздолбай одомашненные!

Выглядит, главное, почти как человек, а рычит, как это... четвероногое, с некоторой неприязнью подумал я, не решившись высказаться вслух.

Прикид у Кассида неповторимо «крутой». Во-первых, кожа у него такого глубокого темно-синего цвета, что вылупленные от ярости белки глаз на его лопатообразном лице выделяются, как сваренные вкрутую. Добавьте к этому белоснежные волосы, завитые на башке в два торчащих конусообразных рога, и не забудьте про униформу из пуленепробиваемых композит-пластин, которая топорщится на его жирной коренастой туше, словно панцирь на черепахе-переростке. Представили? Поздравляю – перед вами чистокровный кассиониец. Не Кассид Кассиониец в частности, а кассиониец вообще. У них там все двинутые на биоимплантировании, мода такая. Родился он наверняка таким же светленьким, как я, а с возрастом и увеличением благосостояния от удачно провернутых торговых операций «посинел», завел рога (наверное, заранее, чтоб не разочаровываться в жизни – у них там многоженство) и напялил на себя этот черепаший панцирь. Чтобы не только он, но и все окружающие видели, насколько он крут. Кроме того, в самом теле, вероятно, встроено немало всяческих боевых устройств – начиная от моноволоконных когтей в пальцах, запросто режущих сверхпрочные материалы, до одноразовых лазерных установок в запястьях. Лучше б он почаще на тренажерах работал, а то брюхо из-под панциря даже в экран лезет...

– А мы что, уже летим? – дико удивился «одомашненный раздолбай» Ухан, даже белобрысая физиономия вытянулась. – Я думал...

– Думать уже поздновато, марш в коконы! Рррр! Даю вам пять минут, а потом пеняйте на себя.

Кассид отключился.

Я смутно припомнил слабый, еле ощутимый толчок в тот момент, когда Зайда сопровождала нас в каюту. Вот оно что, Кассид, оказывается, не любит терять времени попусту.

Разговоры пришлось прекратить, даже общение по лощманам, пока вся наша бравая компания спешно забиралась в коконы. А когда забрались и зачехлялись, напоминая со стороны куколок насекомых – с поправкой на размер, конечно, то разговоры вмиг прекратились. Эластичная ткань, обхватившая все тело, не пропускала радиоволны, а включившаяся система жизнеобеспечения обволокла живым теплом и уютом, сразу расслабляя и погружая в сон. Гиперпрыжки необходимо совершать при отключенном сознании, чтоб не пришлось потом делать «дефрагментацию» мозга, собирая перемешанные обрывки информации в единое целое, вот кокон-анабиозатор и старался. Засыпая, я невольно задумался о команде Кассида. Всего трое обслуживали этот громадный торговый корабль, но каждый из них сам стоил целой команды. У Кассида – совершенно бульдожья деловая хватка, плюс железобетонное постоянство в соблюдении условий заключенных с клиентами контрактов. Очень ценное качество для нашей колонии, окупающее его кажущуюся грубость и неотесанность в поведении. Лайнус, пилот-тавеллианец, тоже особенный тип. Любой здравомыслящий человек обходит выходцев с Тавеллы стороной, если ему дорог собственный рассудок. Как напасть на человека, способного просто изъять из твоего мозга само желание агрессии? Будешь стоять и пялиться

на него, как на снег посреди лета, пытаюсь сообразить, кто ты и что намеревался только что сделать, а он спокойно уйдет своей дорогой. Это в лучшем случае – будешь стоять и пялиться. А то может так случиться, что будешь лежать. С обширным инсультом, хотя до сих пор никогда не жаловался на здоровье. Бикаэлка... Это вообще отдельная тема. Пока Зайда выполняет функции службы безопасности на этом корабле, ему ничто не угрожает. Бикаэлки считаются прекрасными специалистами в военном деле – профессионалами широкого профиля. Лучше, пожалуй, только шелтяне – небольшой по численности народ с одной из планет Галактической Федерации, представители которого от рождения обладают разнообразными ментальными способностями. Но в юридическом пространстве Коалиции Независимости шелтяне – весьма редкие залетные гости, к тому же они никогда не нанимаются ни в телохранители, ни в наемные убийцы. Профиль шелтян – узкоспециализированные и высокооплачиваемые задания, шпионаж, диверсии, разведка боем. Иногда – частный сыск. Зато непревзойденные телохранители выходят из фрайденов – быстрых, как укус королевской кобры, и смертоносных, как ее яд. Эти хотя и напоминают с виду желтокожих людей, но к человеческой расе не имеют никакого отношения. Психология соответствующая – хрен поймешь их Кодекс Поведения. Да и услуги их ценятся так баснословно дорого, что нанять их могут только самые богатые люди на планетах. А бикаэлки годятся для всякой работы, да и дешевле «узкоформатных» профи, поэтому они нарасхват. В том числе и для темных дел, вроде заказных убийств. Как подумаю об этом, так мурашки по коже бегут.

Поразмыслив обо всем этом, я пришел к выводу, что у Кассида Кассионийца очень сильная команда. И Дед наверняка попросил Кассида негласно присмотреть за нами на Сокте, так что совсем без помощи в случае крайней нужды мы вряд ли останемся. Эта мысль меня немного успокоила. Но... но из головы не шли слова Зайды насчет честных драк на улицах Волчьей Челюсти. В виртуалке это не имеет значения – ну, вышибли тебя со «смертельным» исходом, выматерился да снова загрузился...

Неожиданно я понял, что не готов к посещению другого мира. Ни я, ни Ухан с Мараной. За свою жизнь мы никогда не сталкивались с реальной жестокостью, и никто из нас не знал, что такое настоящая боль. Ум, привыкший к жизни в виртуальных погружениях, давно разучился адекватно оценивать истинную реальность. Реальность, где мы ходим, дышим, общаемся, совершаем массу действий, о которых не задумываемся.

Как бы из этой затеи Деда не вышло какой беды...

Последняя мысль провалилась в сон, густой и вязкий, как сироп.

Глава 3

День неудач

Время было уже позднее.

Закат бессильно догорал где-то там, в просторах окружавших Волчью Челюсть пустынь, а здесь, на городских улицах, его даже и не видно. Каменные туши многоэтажных зданий заслоняли и солнце и небо, в их тени уже сгустился мрак. Но освещения все же хватало – широкий и просторный проспект, по которому мы без спешки двигались к намеченной цели, с обеих сторон сиял многочисленными островками люминесцентного освещения, исходившего от рекламных витрин и голографических пиктограмм торговых марок магазинов. А там, где отсутствовали витрины, в воздухе без видимых опор плавали матово-желтые шары уличного освещения. Редкие прохожие, спешащие по своим делам, не обращали на нас ни малейшего внимания, закрытые машины проносились мимо по шоссе или по воздушным ярусам над головой, рой мелких, с яблоко, шарообразных дроидов на антигравях сновали в воздухе, рекламируя различные торговые марки...

Резкий порыв встречного ветра швырнул в лицо облако мелкой, въедливой пыли, сразу тошнотворно заскрипевшей на зубах.

Поперхнувшись и прервав созерцание местных достопримечательностей, я замедлил шаг и торопливо прикрыл лицо респиратором. Затем, когда облако пронесло мимо, снова откинул «намордник» на грудь и догнал Ухана с Мараной, успевших оторваться от меня на несколько шагов.

К местному стилю одежды трудно привыкнуть, особенно после раскованной в этом отношении жизни на Полтергейсте – с ее шортиками и рубашонками. Все население Волчьей Челюсти поголовно носит пыльники – мешковатые с виду костюмы из плотной ткани, укутывающие тело целиком. Даже голову защищает капюшон, при необходимости, если, к примеру, грянет пылевая буря, можно полностью загерметизироваться от внешней среды, срастив края капюшона с респиратором. Кроме того, специальные разъемные швы соединяют штаны, куртку и обувь в одно целое, а манжеты и воротник плотно обхватывают запястья и шею, не оставляя зловредной песчаной взвеси ни малейшего шанса проникнуть во внутреннюю кондиционированную прохладу.

Аборигены, кстати, одевались без особых скидок на пол, так что иной раз, глядя на прохожих, не сразу и разберешь, кто перед тобой – мужчина или женщина. Но массивного Ухана от миниатюрной Мараны отличить было нетрудно. Хотя бы по размеру. Вроде бы все вполне функционально и удобно, но ощущение дискомфорта меня не покидало весь день, с того самого момента, когда всем нам пришлось обрядиться в эти самые пыльники. Ничего не поделаешь, мода на подобную одежду возникла не на пустом месте. Характер доминирующего климата на Сокте можно обрисовать в нескольких словах: жарко, очень сухо и чертовски пыльно. Мелкая коричневая пыль обволакивала тонким, но вездесущим слоем покрытие дорог, поверхность зданий и любых предметов, расположенных на улицах города. Такая же картина, в большей или меньшей степени, наблюдалась и в других городах Сокты – все тонуло в этой чертовой пыли, и бороться с ней не было никакой возможности.

Впрочем, никто и не боролся. Жители Сокты давно уже пришли к выводу, что дешевле обезопасить от влияния погоды себя лично, с помощью тех же пыльников, или отсидеться в герметичных салонах индивидуального и общественного транспорта, чем облагораживать и обустраивать улицы, устанавливая какие-нибудь пылеуловители. Ведь песчаные ветры, прилетавшие с подступающих к городу обширных пустынь, практически круглый год не прекращались ни днем, ни ночью. Мрачное местечко.

Все это – непривычный глазу вид улиц, затянутое багрово-коричневой муťou закатное небо, нависающие над тобой массивы уродливо-безликих зданий, даже эти проклятые пыльные ветры... Все в целом так завораживающе отличалось от Туманной Долины, с ее полусонной тишиной и неспешным течением жизни, с ее не менее жарким, но влажным климатом и прозрачным, чистым воздухом, что впечатление новизны и необычности не покидало нас весь день, грозя затопить и дезориентировать окончательно. До сих пор не верилось, что мы в реальном городе реальной планеты, а не в какой-нибудь развлекательной «гэпэшке»... От перекрестка, где мы вышли из такси и потопали пешком, до рекомендованного Зайдой бара оставалось уже недалеко. Можно было, конечно, сразу подъехать к бару, но дело в том, что дома мы привыкли по вечерам совершать пешие прогулки и не собирались отказываться от устоявшегося правила и здесь. К тому же, катаясь по городу в машине, нельзя толком прочувствовать атмосферу, в которой живет местный люд. Да и вообще – гулять так гулять, познавательно для ума и полезно для здоровья...

Очередной порыв ветра снова забил горло и нос этой проклятой пылью, заставив закашляться и пересмотреть позицию насчет здоровья. Ладно, будем упираться на познавательность. По крайней мере, кататься уже надоело. Хотелось пройтись и поделиться общими впечатлениями, подвести итоги. Поглазеть, в конце концов. Днем-то все как-то некогда было. Дела, заботы. Поиски. Этих самых роботов, заказанных Дедом. Точнее, поиски роботов, выставленных на продажу. Итоги дня, надо сказать, оказались довольно неутешительными, и никто из нас не решался заговорить на эту тему первым, оттягивая тягостный момент, когда необходимо будет принимать какие-либо решения.

Из узкого прохода между многоэтажными зданиями – едва человеку боком протиснуться, резко потянуло запахом нечистот, и мы, не сговариваясь, ускорили шаг, чтобы миновать неприятный отрезок пути. Как я там говорил выше? Прочувствовать атмосферу? Очень познавательный эксперимент над собственным обонянием. В глубине прохода, затянутого крошечным мраком, мне на мгновение почудилось какое-то движение – наверное, заметил вездесущих песчаных крыс, коих на Сокте, если верить сведениям, почерпнутым из предназначенного для туристов справочника-путеводителя, пруд пруди. Лично я еще ни одной не видел.

«Когда ты бывал здесь с Дедом, все выглядело так же паршиво?» – морщась от вони, поинтересовался Ухан по лощману. Респиратор болтался у него под подбородком, как и у меня. Чтобы не вдыхать пыль, он просто старался поменьше открывать рот, а общение по лощману упрощало процедуру разговора как нельзя лучше. Пожалуй, только Марану не стеснял этот предмет первой необходимости на Сокте, из-за чего ее лицо в респираторе выглядело как причудливая и несколько страшноватая морда неизвестного животного.

«Понимаешь, – я пожал плечами, – мне тогда было всего семь лет, а в детстве все воспринимается как-то ярче...»

«Может быть, поговорим наконец о насущных проблемах, а не о всякой ерунде?» – напомнила Марана, ее смуглое от природы лицо выглядело всерьез озабоченным.

«Мар, тебе нас с Сомахой совсем не жаль? – пожаловался Ухан. – У меня, например, и так голова пухнет от впечатлений. Можно поговорить завтра утром на свежую голову. Не делай вид, что тебя поручение Деда заботит больше нас».

«Хочешь сказать, что я просто выпендриваюсь, а на самом деле мне на все начхать?» – тут же начала заводится Мар. Этот день порядком нас утомил, так что ее раздражение было вполне объяснимым.

«Я этого не говорил...»

«Но подумал», – хмыкнул я.

За что тут же заработал довольно чувствительный толчок локтем в бок. Марана, наверное, специально так устроилась – посередке, между мной и Уханом, чтобы ни до кого особо не тянуться. Вредина...

Слева у подножия здания, прижимаясь к тротуару, мелькнули какие-то приземистые силуэты и пропали. Опять крысы? Я слегка притормозил, присматриваясь внимательнее, даже вывел на виртуальную панель лощмана дополнительное окно обзора с инфракрасным режимом. Но так ничего подозрительного и не увидел среди проступившего на нем бледно-серого, словно залитого мертвенным светом изображения и вынужден был ускорить шаг, чтобы снова догнать своих спутников. Занятые своими мыслями, они ничего не заметили, и я тоже решил не придавать значения тому, что могло лишь померещиться. Дед как-то рассказывал, что иногда при посещении миров, где ни разу не бывал, из-за адаптации к местному климату чудятся разные непонятные глюки. Наверное, как раз мой случай.

Ладно, действительно пора поговорить о затее Деда.

Теоретически старейшина Хокинав подгадал точно, отправив нас к концу ежегодного чемпионата боевых роботов, проводившегося в Волчьей Челюсти. Именно в ходе поединков в продажу иногда попадали фатально поврежденные машины, которые проще было пустить на запчасти, чем восстанавливать. Или обменять на те же запчасти в ангарах и складах других владельцев боевых машин, чтобы отремонтировать еще подлежащую восстановлению технику для продолжения боев. Но мы обошли все эти конторы и везде получили вежливый, но категоричный отказ. Это в лучшем случае – вежливый. В ангаре Манчеса – капитана и владельца команды «Стальных Шипов», мы едва не влипли в нештучную переделку. Команда только что вылетела из «Волчьих Игрищ» с окончательным и бесповоротным поражением, и мы по своей наивности рассудили, что «Стальные Шипы» – именно наш клиент. Мы думали, раз им больше незачем участвовать в чемпионате, то и машины достанутся нам с легкостью. Когда мы туда заявились, все пространство арендованного командой механгара, заполненное рассроченными и разбитыми вдребезги ИБРами различных классов, скорее смахивало на кладбище металлолома, чем на помещение для ремонта и обслуживания техники. Не разобравшись в ситуации, мы обратились к ним со своим вопиюще оскорбительным предложением, а они тут же побросали все дела и обступили нас с самыми серьезными намерениями намять нам бока. Мы не учли психологии водил, их глубокой привязанности к своим «железкам». Донельзя разозленные положением дел в своей команде, они усиленно искали, на ком бы эту злость сорвать. В общем, пришлось как можно быстрее уносить ноги. Не последним сдерживающим фактором при отступлении послужило наличие у нас «Опекуна». Аппаратик был, конечно, слабоват, чтобы удержать от серьезной драки десятков закаленных и агрессивно настроенных бойцов. Но ИскИн охранного дроида, проанализировав обстановку, громким голосом строгого дядюшки предупредил, что передает визуальные данные прямо в полицейское управление, поэтому не советует предпринимать каких-либо действий, способных нанести физический вред его хозяину. Иначе предпримет меры самолично. Звучало довольно внушительно. Кроме того, людям Манчеса, вероятно, не было известно, что в модель нашего «малыша» заложено только сдерживающее оружие...

Да уж, пренеприятный был момент, даже вспоминать не хочется. Неудивительно, что теперь мы гуляли по пыльным и малолюдным в этот час улицам Волчьей Челюсти с настроением, которое иначе, как махровой хандрой, не назовешь. А сгущавшийся вечерний сумрак, насыщая воздух, словно черная патока, опрокинутая из бездонной небесной бадьи, только добавлял уныния.

«Итак, что будем делать дальше? – настырная сестренка, видимо, решила третировать нас до тех пор, пока не услышит что-нибудь определенное. – Мы обошли все конторы, где имелась хоть малейшая возможность приобрести „мехов“, и везде сумели не понравиться их хозяевам».

Мне надоело читать поступающий на виртуалку текст, в который лощман переводил мысленные сообщения друзей, что-то не было настроения, интереснее было поглазеть по сторонам. Поэтому я включил режим озвучки. И следующие реплики сразу приобрели живую окраску:

«Во-первых, мы обошли почти все конторы, а не все. Во-вторых, ты слишком нетерпелива. – Ухан пожал плечами и кашлянул, прикрывая рот широкой ладонью. Пролетавшее мимо пыльное облако зацепило его краем. – У нас еще есть время, такие дела не решаются за один день».

«Угу. – Я невесело кивнул. – Кроме Волчьей Челюсти на Сокте есть еще и другие города».

«Но чемпионат проходит именно здесь! – справедливо напомнила наша смугляночка, упрямо тряхнув пышными кудряшками, рассыпавшимися по плечам. – Если в других городах и имеются боеспособные машины, то там их нам тем более никто не продаст. К тому же и стоять они будут в несколько раз дороже, у нас не хватит средств. Дед ведь ясно выразился – покупать только покалеченных „мехов“ за четверть стоимости, не дороже. Бюджет общины не резиновый... Знаете, что меня больше всего раздражает в этой истории? То, что нам пришлось посетить всех этих владетельных засранцев самолично. Куда проще было бы получить информацию и совершить сделку по Сети, как поступают все нормальные люди».

«Традиции, Мар, традиции. – Я вздохнул, вполне с ней согласившись. – Роботы на этой ненормальной Сокте – нечто святое, а бои между ними – основная статья дохода, поэтому даже гайки от этих чертовых машин редко достаются чужакам вроде нас...»

«Я это знаю не хуже тебя, – огрызнулась БэЗэ. – Но вместо того чтобы терять целый день...»

«Мы бы получили от ворот поворот еще утром. – Ухан хмыкнул. – Если бы связались с Сетью. Ты этого хочешь?»

«Да ну вас. Я тут к вам всей душой, болею за общее дело, а вы ко мне...»

«Кверху попой», – не задумываясь, брякнул Ухан.

«Знаешь что? – Марана обиделась. – У тебя в голове столько же мозгов, сколько в твоей заднице».

«А что, там-таки тоже есть мозги?» – деланно удивился Ухан, подражая выговору уроженцев Вантесента.

«Вот и я о том же», – отбрила Марана и умолкла, насупившись еще больше.

Я с трудом сохранил невозмутимый вид, стараясь не сердить БэЗэ хотя бы со своей стороны. Как ни крути, а она права. Мы потеряли целый день и пока ничего не добились. Вряд ли Дед похвалил бы нас за такие результаты.

Несколько минут мы топали молча. Марана, казалось, от обиды ничего не замечала вокруг, а Ухан озадаченно косился на подругу, решая, как наилучшим образом сгладить неловкий момент. Света на проспекте поубавилось, наиболее ярко освещенные и живописные рекламные щиты и витрины остались позади. Я прищурился, всматриваясь в темноту – впереди слева у невысокого здания проступили смутно угадываемые очертания какой-то громадины. Робот, что ли? По мысленному сигналу лоцман отсканировал зафиксированную перед глазами картинку в обычном и инфракрасном режимах, совместил полученные данные, поместил обобщенный снимок в один из контактных экранчиков виртуалки и сделал «наезд», увеличив масштаб вдвое. Затем погонял изображение в режиме коррекции, добившись нормального цветовосприятия и освещения. Я слегка ошалел от скорости компьютерной обработки – всего несколько долей секунды. Не успел подумать – и уже получил результат. Дольше пришлось описывать сам процесс. Я и забыл, что мой нынешний лоцман относится к военным моделям.

А затем слегка ошалел уже от данных с изображения. Вот тебе и на! Действительно робот. Но такой старый, что... Не веря своим глазам, я на всякий случай сверился со справочной библиотекой местной Сети. Точно.

Ухан пока ничего не заметил, сейчас его больше заботили личные проблемы. Скорбно вздохнув, он полез мириться с Мараной самым простым способом – руками. Для этого ему пришлось остановиться и сграбастать ее в охапку, что-то ласково шепча в маленькое изящ-

ное ушко подруги. Мар немного побрыкалась, по привычке саданув Ухана локтем по ребрам, чего увалень-переросток тоже привычно не заметил, и сдалась на милость победителя. Я не возражал против заминки, заворуженно уставившись на гигантского ИБРа. Гигантского даже с расстояния в сотню метров, отделявшего его от нас. Крыша четырехэтажного здания, рядом с которым он возвышался, приходилась как раз вровень с верхней точкой его вытянутого горизонтально, бронированного яйцевидного тела, покоящегося на двух мощных, по-птичьи выгнутых назад сочленениями лапах. В угрожающе растопыренных и согнутых в локтях по бокам руках замерли громадные ЭМУ-пушки, нацеленные на противоположную сторону улицы. Только вряд ли робот представлял опасность в своем нынешнем состоянии. Гигантское тело было снизу доверху иссечено шрамами боевых лазеров, воронками прямых попаданий от ракет и бронебойных снарядов. А бронеовые пластины на выпуклой груди гиганта, за которыми должны располагаться субъядерный движок, оптоволоконные магистрали, механизмы управления, подачи боеприпасов и прочая сложная начинка, рассекала рваная многометровая щель, вся в оплавленных зазубринах по краям – словно прошелся тупой консервный нож. Тем не менее мощные многометровые лапы, ступни которых запросто смогли бы раздавить целиком один из глайдеров, непрерывно сновавших по улицам, каким-то образом удерживали его в вертикальном положении. Вероятно, все подвижные ранее узлы ног теперь были закреплены сваркой или быстрозастывающим пластиком в одно целое. Крепко же ему, бедолаге, досталось когда-то...

– Ухан, если ты на секунд очку отвлечешься и посмотришь туда же, куда и я... – забывшись, я заговорил вслух, и это возымело желаемый эффект.

Ноэлик тут же отклеился от смущенно смеющейся Мараны, не привыкшей к подобным знакам внимания на Полтергейсте (старались войти в роль парочки с Вантесента), и прекратил наконец слюнявить ей лицо своими неуклюжими поцелуями.

– А, «Мститель», – как ни в чем ни бывало определил Ухан, вытирая влажные губы грубым рукавом противопылевого костюма. – Семидесятитонник. Высота – четырнадцать метров. В стандартное вооружение входит... Вообще-то перечислять нет смысла – от этого вооружения явно остался один пшик. Сам посмотри, как оплавлены все узлы подвесок и сочленений торса. Он и внутри наверняка так же оплавлен. Проломы в нагрудной броне выглядят просто жутко. Когда-то этот робот здорово горел вместе со своим водителем, и сейчас он – просто кусок металлолома, не имеющий никакой ценности. Кроме, разве что, исторической.

«Ну и здоровенный же...» – Марана, никогда не видевшая ИБРов вот так, в непосредственной и реальной близости – как и все мы, ведь игровой мир «гэпэшэк» не в счет, ошеломленно округлила глаза.

Порыв зловредного ветра обдал нас едкой удушливой пылью с ног до головы, заставив снова прикрыть рот и перейти на общение по лоцману:

«Такое ощущение, – поделился я впечатлениями, – что его вытащили прямо из жесточайшего боя и установили здесь в качестве памятника».

«Так и есть. Бар, возле которого он находится, тем и известен, что у его входа с незапамятных времен торчит старое боевое пугало. Мы, кстати, пришли. Зайда направляла нас именно сюда».

«Ухан, ты что, не понял? – Вот же самовлюбленный и компьютерно продвинутый болван. В погоне за технической информацией по Сети умудрился пропустить главное. – Покопайся в своей любимой Сети внимательнее. Последний робот этой серии участвовал в боях во время Мятежа Владений, случившегося на Сокте семьдесят шесть лет назад. Усек? Это когда частные владельцы роботов, объединившись в армаду из трехсот машин, решили захватить власть на планете. У них ничего не вышло, но они здорово потрепали правительственные войска. И одним из тех, кто причинил больше всех неприятностей регулярным соединениям, был водитель „Мстителя“ – Олива Факел, вождь мятежа».

«Да ну, не может быть, – не поверила Мар. – Я тоже посмотрела в Сети, никакой информации о прошлом этого „меха“ нет. Старая развалюха просто является визитной карточкой данного бара, вот и все».

«Ты просто не умеешь искать. Видимо, местные власти не любят вспоминать прошлое, вот и подчистили неприятное место в истории своей планеты, поэтому эта информация не лежит на поверхности, – пояснил я. – Нужно копать глубже».

«Скорее всего, ты просто выдумываешь, выдаешь желаемое за действительное. Робот предводителя повстанцев, как же! Держи карман шире. Просто одна из старых железяк канувшей в Лету производственной серии».

Я уже говорил вам о ее упрямстве? Ни за что не признается, что хуже меня ориентируется в справочной системе.

«В тебе совсем нет романтики, Мар», – не без грусти вынужден был заметить я.

«Зато у тебя она махровая, как не знаю что...»

«Слушайте, а мне нравится эта идея, – задумчиво сообщил Ухан, прервав нашу перепалку. К этому моменту он рассматривал покалеченного ветерана уже другими глазами-с изрядной долей почтения. – Вот бы поставить парочку потрепанных в боях ИБРов перед парадным крыльцом моего особняка на Вантесенте...»

«Твоего воображаемого особняка», – насмешливо напомнила Марана.

Зато у тебя, девочка, в отличие от нас с Уханом, никакого полета воображения, проворчал я про себя, не решившись озвучить столь криминальное заявление – ребра с правой стороны еще болели от последнего тычка БэЗэ.

«Ну и что? – Ухан передернул широкими плечами, словно стряхивая с себя насмешку моей сестренки. Ему всегда было проще с ней спорить, хотя бы на правах того, к кому она питала нежные чувства. – Ты хотя бы попробуй представить. При взгляде на такую внушительную кучу металлолома сразу как-то уважение возникает, разве нет?»

«Не переигрывай, господин Дам Спикере, – так же насмешливо осадил Мар, – нас все равно никто не слышит».

«Тогда почему ты называешь меня Сникерсом, а не добрым старым именем с Полтергейста?»

«Ты прав, – тут же согласилась Марана. – Если играть роль, то играть полноценно. Давайте и по лозману общаться конспиративно».

Лично меня подобное предложение возмутило:

«Вам хорошо, Дам и Туя Сникерсы – это звучит еще прилично, а каково мне постоянно слышать свое новое имя?»

«Слушай, Долдон ты наш Слюнявчик, – Марана немедленно приняла воинственную позу, уперев руки в бока и окинув меня деланно надменным взглядом, – если ты не будешь ерепениться, то так и быть, ограничимся только произношением первого имени из двух».

«То есть Долдон, – поддержал ее Ухан. Вот предатель. – Но если тебе этого мало, человек...»

«Ладно, ладно, уговорили, – я поспешно сдался, ухмыляясь до ушей. – И вообще, пошли в бар. Что-то я проголодался».

«Хорошая идея, – великодушно признала Марана. – Последний раз мы ели в середине дня, часов пять назад».

«Одну минутку, – остановил Ухан. – Я тоже не против ужина, но вынужден сообщить, что этот бар одновременно является клубом „подражателей“. Зайда, когда давала свои рекомендации, об этом не предупредила, и я ее понимаю – с бикаэлкой вряд ли кто рискнет связываться без особых причин, но мы – другое дело».

«Подражателей?» – переспросил я, окидывая недоуменным взглядом вывеску, парившую в воздухе на уровне колен древнего «Мстителя». Казалось бы, беспорядочно дрейфующие

по стене над входом буквы тем не менее исправно складывались в нужные слова – «Темное Логово».

«Ага. Фанаты боев на ИБРах, только не в реальном, а в виртуальном пространстве, – охотно поделился Ухан явно только что выуженной из Сети информацией. – Настоящие водили их ни во что не ставят, но „подражатели“ на то и фанаты, им на это плевать. Они рубятся на своих воображаемых „мехах“ между собой и получают от этого сомнительного процесса жуткое удовольствие».

«Не такое уж и сомнительное, – не согласился я, задетый за живое. – Я и сам люблю погонять в таких „гэпэшках“.

«Ах да, как же я мог забыть про твоих любимых „Железных Болванов“, за которых по результатам батальи общины тебя даже похвалил Дед! Ты ведь тоже у нас фанат! Ну, тогда нам нечего бояться. Если возникнут лишние вопросы, ты просто присоединишься к своим потенциальным друзьям, верно? Все равно на этот вечер у нас никаких дел больше нет».

«Я бы лучше поужинал, – с сомнением хмыкнул я. – Интересно, нас действительно выпрут оттуда, если мы не станем играть?»

«Не выпрут. – Ухан ухмыльнулся, весьма довольный тем, что сумел нас провести. – Я пошутил насчет строгих нравов. Обычный бар-ресторан для любых желающих приятно провести свободное время».

«Тогда чего мы стоим? – Марана смерила нас обоих неодобрительным взглядом, словно мы лично морили ее здесь голодом. – У меня тоже в животе кошки скребут».

«Кошки скребут на душе, – машинально поправил я, трогаясь с места, – это устойчивое выражение, а живот, например, от голода может прилипнуть к спине».

«Ну, ты, знаток местного фольклора...»

Поругаться в очередной раз нам не дали. Причем самым неожиданным образом.

«Погодите, – встревоженно воскликнул Ухан, оглядываясь по сторонам, словно пытаюсь рассмотреть что-то, известное только ему, – мой „Опекун“...»

А в следующую секунду мы подверглись нападению.

Из глубоких теней, притаившихся в складках зданий наподобие бездонных омутов, куда не доставало городское освещение, возникли темные размытые силуэты и стремительно бросились к нам, стелясь по тротуару гибкими кошачьими движениями.

Охранный дроид, все это время плававший над головой Ухана на манер детского воздушного шарика и о котором мы практически забыли, вдруг на короткое мгновение ошестился во все стороны пучком ярко-красных нитевидных лучей – на окружающий нас тротуар словно упала сотканная из света паутина, чтобы тут же исчезнуть. Слух резанул пронзительный животный визг. Парочка силуэтов, не добежав до нас несколько метров, завертелась юлой, видимо полностью дезориентированная, затем агрессоры рванули обратно в темноту и исчезли. Но несколько тел (теперь уже стало видно, что это какие-то животные размером со среднюю собаку, а не глюки в моем сознании) остались валяться на тротуаре, не подавая признаков жизни.

Все произошло так быстро, что я не успел почувствовать страх. А вот у Мараны реакция оказалась получше, она испугаться успела.

– Что это б-было? – слегка заикаясь, проговорила она вслух, инстинктивно прижавшись к Ухану и округлив глаза. – И что т-ты с ними сд-делал?

– Лично я – ничего. – Ухан поскреб затылок, не забыв свободной рукой покрепче обнять подругу, раз представилась такая возможность. – «Опекун» сам приласкал их стан-нером, а тех, что удрали, видимо, зацепил лишь частично.

– Погоди, погоди, – не поверил я, – лучи станнера невидимы, а эти...

– Безобидная лазерная подсветка, способная лишь ослепить. Для психологического эффекта... Кстати, а почему бы нам действительно отсюда не убраться? Например, в бар?

Мысль была хорошей и весьма своевременной. Поэтому теперь никто не стал мешкать, все сразу заторопились к бару. Для этого пришлось пройти вблизи одного из обездвиженных тел, но ни у кого не возникло желания остановиться и рассмотреть тварь получше. Небезопасное, да и не нужное занятие, которое можно поручить лощману – укрупнить и подсветить отснятое изображение.

– Кто-нибудь может мне сказать, что это такое? – с невольной дрожью в голосе произнесла Марана, рассмотрев поступивший на виртуалку отредактированный снимок. У меня тоже по спине прошелся холодок – я разглядел острые зубы, усеивавшие узкие вытянутые пасти, и внушительные когти на гибких многосуставных лапах.

– Песчаные крысы, – выдал Ухан, отыскав информацию, как всегда, раньше нас.

– И это ты называешь крысами? – недоверчиво переспросила Марана. – Скорее, странно мутировавшие собаки. Размер подходящий.

– Знаете, что мне пришло в голову? – напряженно поинтересовался Ухан. – Наша беспечная прогулка уже не кажется мне разумной.

– Хочешь сказать...

Налетевшее сбоку пыльное облако заставило поперхнуться и перейти к общению по внутренней связи:

«Хочешь сказать, именно поэтому сейчас так малоллюдно?» – Я невольно ускорил шаг.

Никто не отзывался. Похоже, Ухан с Мараной вообще потеряли желание разговаривать, пока не окажутся в относительной безопасности. Ну и замечательно, как-нибудь переживу. Черт возьми, лично мне эти сто метров, отделявшие нас от входа в бар, показались исключительно длинными. На улице перед баром уже сгустился почти непроглядный мрак, и я все время чувствовал чьи-то холодные внимательные взгляды, направленные мне в спину из темных закоулков – теперь я уже знал, что эти взгляды не воображаемые. Малоприятное ощущение.

Когда мы проходили мимо «Мстителя», Ухан, не останавливаясь, добродушно похлопал гиганта по бронированной «голени» – толщиной с нас троих, вместе взятых, похлопал, словно старого доброго приятеля. Гигантский рост робота не позволял дотянуться выше.

Внутри бара неожиданно оказалось еще темнее, чем на улице, которую мы только что покинули. Опешив от такого приема, мы замерли на месте, таращась в непроглядную тьму перед собой. В инфракрасном окошке виртуалки лишь бродили бледные пятна без каких-либо определенных очертаний. Слепой экран.

«Мать моя женщина, это еще что такое?! – выругалась Марана. Не знаю, где она успела подцепить это выражение, до Сокты я от нее ничего подобного не слышал, но звучало почему-то донельзя неприлично. – Тут что, вымерло все, что ли? Или мы не туда попали?»

«Не торопись, милая...»

Судя по его многозначительному тону, Ухан, как всегда, определенно что-то знал. Ага – под ногами вдруг проступила светящаяся желтая полоска и побежала в темноту, приглашая следовать за собой.

«Ну вот, нужно было лишь чуток подождать, чтобы управляющая система бара заметила нас и определила в качестве клиентов, – снисходительно прокомментировал Ухан. – Если бы вы оба чаще обращались к справочной информации...»

Но Марана не дала ему закончить:

«Охота голову всякой ерундой забивать, на это у меня есть ты. Пошли, чего стоим?»

«Теперь мне понятен смысл, кроющийся в названия этого бара», – пробормотал я, когда стрелка подвела нас к столику, осветившемуся изнутри при нашем приближении.

Едва мы расселись на изящных стульях из какого-то невесомого, но явно очень прочного материала (ножки – в виде соломинок, вместо сиденья – мягкая сеть паутины), как рядом возник официант, оказавшийся мальчишкой лет восьми – с очень бледной, незагорелой кожей,

светлыми волосами, бровями и даже ресницами. В общем, стопроцентно белобрысый. Одет он был в серый костюм из искусственного меха, напоминающего волчью шкуру. Паренек отнес короткий поклон, полный внутреннего достоинства, и с профессиональной вежливостью осведомился:

– Что будете заказывать?

Наряд официанта меня позабавил. Все один к одному: город – Волчья Челюсть, бар – «Темное Логово», а пацан – «волчонок». Стиль выдержан до конца.

«Ой, какой хорошенький», – Марана, уже успевшая к этому моменту откинуть с лица респиратор, с интересом уставилась на «волчонка», разглядывая во все глаза, что показалось мне несколько бесцеремонным. К счастью, мальчишку не так-то легко было смутить, он просто проигнорировал ее откровенное внимание, ожидая ответа на свой вопрос. Явно не первый день здесь работал.

– Что у вас тут обычно подают на ужин? – Ухан откинулся на спинку стула, приняв вальяжный вид и окинув официанта снисходительным взглядом.

Мальчишка начал бойко перечислять названия незнакомых блюд, но Ухан остановил его небрежным взмахом руки.

– Неси. На троих, естественно.

«А ты не слишком рискуешь? – Я недоуменно поднял левую бровь, невольно пародируя привычку Деда. – Нам может и не понравиться то, что здесь принято считать нормальной пищей».

«Ерунда, что-нибудь съедобное непременно окажется. К тому же аристократ я или нет? Незачем озадачиваться столь незначительными мелочами».

«Понял, господин Спикере», – съязвил я, напустив на лицо кажущуюся почтительность.

Тут я заметил, что Марана к чему-то прислушивается, уже не обращая внимания на наш разговор. И тоже невольно наострил уши. «Почувствовав» мой интерес, из окружающей темноты почти сразу выплыла негромкая ритмичная музыка и как-то незаметно целиком завладела моим вниманием. Приятный женский голос неожиданно вплетался в нее на несколько секунд, задавая настроение, и пропадал, таял, растворялся, словно туман на сильном ветру, в сознании возникало глубокое мрачное ущелье с отвесными стенами, на изборозженных ломаными выступами скалах лежит снег, по изрезанному порогами каменистому дну извивается, весь в яростных брызгах и пене, быстрый ледяной поток.

Интересные спецэффекты.

Стоило мне подумать, где может находиться солист, и неподалеку среди мрака проступила небольшая круглая сцена, испускавшая теплый золотистый свет. Темнокожая женщина в полупрозрачной, развевающейся на невидимом ветерке накидке медленно танцевала на ней, окутанная этим светом с ног до головы. Гибкие, плавные движения рук и ног, словно перетекающие друг в друга, не замирая ни на секунду, невесомые воздушные пируэты – рисунок, который выписывало ее полуобнаженное тело, завораживал каким-то чужеродным, нечеловеческим ритмом, вызывающим в душе непонятное смятение...

Появление «волчонка» с сервировочным столиком отвлекло от волшебства, но ненадолго – пока он расставлял среди нас привезенные блюда, все равно заняться было нечем.

«Кажется, я уже не жалею, что мы посетили этот бар, – пробормотал Ухан, не сводя с танцовщицы замороженного взгляда.

«Она... она красива», – тихо сказала Марана, как-то необычно присмирив, что не очень-то вязалось с ее воинственным характером.

«Никогда не видел ничего подобного», – охотно согласился я. Да и атмосфера в баре особенная. Взять хотя бы наш столик – мы словно одни в море темноты, и никого больше рядом нет. Странное ощущение... Хотя на самом деле народа здесь сегодня хватает. Просто каждое место огорожено светонепроницаемой ширмой, но благодаря интерактивной системе

видеопередачи всем видна сцена – если посетители того пожелают (я, наконец, воспользовался советом Ухана и покопался в справочной, чтобы выяснить, как все это взаимодействует).

Пожелав приятного аппетита, «волчонок» исчез, а мы вынуждены были на время забыть о представлении и заняться ужином. Я обратил внимание, что посуда совершенно прозрачная, а ее содержимое мягко подсвечено поверхностью самого столика, к тому же такой же мягкий, приглушенный свет падал отдельными пятнами откуда-то сверху, на каждую тарелку и столовые приборы. Мы по-прежнему оставались полностью окутанными сумраком и почти не различали лиц друг друга, но с приемом пищи проблем не было. Оригинально, хотя весьма непривычно. Мясной суп, сияющий из-за подсветки расплавленным золотом, и кожистые овощи какого-то неизвестного вида с гарниром из столь же неизвестного зерна, вопреки моим опасениям, оказались вполне съедобными и даже вкусными. Выяснилось, что все мы здорово проголодались, поэтому накинулись на пищу без лишних разговоров. Несколько минут сосредоточенную тишину нарушало лишь удовлетворенное сопение, мычание и рычание Ухана, старательно копировавшего поведение истинного уроженца Вантесента, наконец оказавшегося за столом после долгого воздержания.

«Господин Спикере, по-моему, вы переигрываете», – заметил я, когда мне надоело слушать его чавканье.

«Здесь, кстати, есть танцплощадка», – проигнорировав мое замечание, сообщил вдруг Ухан. – Хороший способ продолжить приятный вечер, не так ли, дорогая госпожа Туя?»

«И где же ты ее углядел?» – Марана неуверенно ковырнула вилок кожистый овощ, видимо, не решалась отведать. Ничего, нормальный овощ, кисленький, чуть-чуть с горчинкой, я уже попробовал. Ей тоже должно понравиться.

«Вы никогда не станете грамотными пользователями Сети, ребятки. – Ухан скорбно вздохнул, глядя в опустевшую тарелку. – Вечные „чайники“, даже жаль с такими проводить время».

«Ну ты, господин Дам, – сразу ошетинулась Марана, не переносившая, когда задевалось ее самолюбие, – вот как дам сейчас по твоему „чайнику“, враз закипишь!»

С удовлетворенным видом насытившегося человека Ухан оторвался от трапезы и приподнялся, чтобы придвинуть свой стул вплотную к Маране. После чего невозмутимо обнял подругу за талию, обхватив заодно и невесомую спинку ее паутинного стула.

«По голове нельзя, госпожа Туя, она у меня является рабочим органом».

«Да тебя куда ни ткни, все – рабочий орган, вечные отговорки... Постой-ка, на что это ты намекаешь? Что моя голова, в отличие от твоей, тупа как пробка, и только твоя способна... – Тут взгляд Мараны упал на руку Ухана, медленно, но настойчиво дрейфующую с талии к ее груди. – А ну, хватит меня лапать, развратник!»

«Да, я такой, со мной шутки плохи, держи ушки остро и грудь на стрёме. Впрочем, руки у меня на автопилоте, сами по себе, не обращай внимания...»

«Ах, так ты тут еще и ни при чем!»

Я не сдержал улыбки, вытирая губы салфеткой. Реакция как раз в духе БэЗэ. В любом ответе способна обнаружить, что ее драгоценную персону обделили вниманием. Впрочем, сейчас они просто прикалывались, работали на публику, если таковая окажется поблизости, и, надо сказать, получалось у них это довольно естественно... Нет, наверное, все-таки переигрывали. О такой раскованности поведения в общественном месте на Полтергейсте Ухану и мечтать не приходилось. Чтобы вот так запросто облапить святое – грудь Мараны... Видимо, ей тоже нравилась эта игра, иначе уже засветила бы Ухану в ухо... Прямо каламбур.

На Сокте, откровенно говоря, жуткая свобода нравов. Мужчины и женщины, не испытывающие друг к другу никакой близости, кроме животного влечения, даже совершенно незнакомые, могут запросто завалиться в постель, удовлетворить друг друга и разбежаться. Не придавая никакого значения случайной связи. Вроде как естественное удовлетворение насущных

сексуальных потребностей. Лично я таких отношений просто не понимал. На улицах нашего Ляо так трахаются только собаки, мы так это и называем – «подзаборный секс». Поэтому Совет старейшин жестко просеивает сквозь сито устоявшихся канонов нравственности все виды продукции, доставляемые торговыми кораблями в Туманную Долину, прежде чем что-либо приобрести. Даже программные продукты – к примеру те же самые «гэпэшки», не избегают этого сита, так как реализованный в играх мир или игровые персонажи могут обладать крайне вопиющей распушенностью. Забота о воспитании подрастающего поколения, так сказать, формирование здорового морального облика.

«Кстати, а где находятся эти пресловутые „подражатели“? – вспомнив, о чем мы говорили еще на улице, полюбопытствовала Марана.

Лень ее погубит. Ее лоцман обладал точно такими же возможностями, как и наши с Уханом, но она по-прежнему не утруждала себя запросами в Сеть. Я машинально ткнул пальцем влево, продолжая размышлять о своем:

«Там. Шагов через двадцать. Большая ширма, за ней игровой зал с двумя десятками сенслож».

Ухан одобрительно хмыкнул, и я сообразил, что вопрос был обращен к нему, а ответил я. Ничего страшного. Какая разница?

«Лучше поговорим на другую тему. Я надеюсь, вы не забыли о том роботе, что мы встретили около входа? И о нашем задании?»

Ухан кивнул:

«Не обольщайся, Долдон, не ты один подумал о нем».

«Вы что, всерьез полагаете, что владелец бара расстанется с визитной карточкой своего заведения?» – Марана поочередно одарила нас донельзя удивленным взглядом.

«А почему бы не попробовать?»

«Но это же стопроцентный металлолом!»

«Ну и что? – Я пожал плечами. – Для хрустализации это не имеет никакого значения. Лишь бы все поврежденные детали оставались на месте, а у меня такое впечатление, что этого беднягу вытащили прямо из боя и сразу установили там, где он сейчас и стоит. И с тех пор к нему больше никто не прикасался. Ты сама сказала – стопроцентный хлам, значит, на запчасти с него снимать что-либо бессмысленно, разве что сразу целиком в переплавку...»

«Знаете что, детки, – прервал нас Ухан, подражая разговорной манере Зайды, – почему бы нам не поговорить о делах завтра? – Он поднялся на ноги и галантным жестом предложил руку БэЗэ. – Госпожа Туя, не соблаговолите ли вы со мной потанцевать?»

«Действительно, господин Дам, – милостиво улыбнулась Марана, живо вспархивая со стула. – С превеликим удовольствием, господин Дам. Мы же обязаны, в соответствии с рекомендациями, вести раскованный образ жизни».

Ухан преувеличенно строго посмотрел на меня, прежде чем уйти.

«Официант должен принести десерт, не вздумай слопать без нас, пока мы будем культурно развлекаться, человек».

«А у тебя из ушей не ползет?»

Ухан грозно сдвинул брови:

«Не понял?»

Я поспешно поправился:

«Я всегда с тобой поделюсь, господин».

«Ага, особенно корками», – чуть смягчившись, пробурчал Ухан.

«Ну да, – я наивно пожал плечами, – а что еще с ними делать?»

Тут Марана не вытерпела:

«Да хватит трепаться, пошли же!»

И уволокла Ухана за собой, проигнорировав попытку приятеля оставить за собой последнее слово. Вы мне не объясните, как это ей, при своих скромных габаритах, удастся управлять таким верзилой? Она же вдвое его меньше, а?

Как только их силуэты растаяли в сумраке бара, я подумал о танцплощадке и почти сразу увидел ее – видеоизображение послушно соткалось в нескольких метрах от столика. Желаящих размяться было десятка два, они двигались в медленном, плавном танце, каждый был окружен светящейся аурой – явно забота управляющей автоматике заведения, чтобы танцоры не оттоптали друг другу ноги в темноте. Ага, а вот и мои приятели. Ухан с Мараной словно выплыли из темного киселя, вливаясь в компанию танцующих, и тут же получили подсветку – желтая светящаяся каемка обволокла их силуэты. Они немного потоптались с краю, видимо присматриваясь к ритму, затем довольно неуклюже вступили в круг. Я насмешливо фыркнул... и удивленно замер, глядя на то, как их неотесанные движения неожиданно приобрели плавность и завершенность профессиональных танцоров. Теперь они двигались вместе с остальными, как единый организм, и после нескольких пируэтов взгляд потерял их в толпе. Черт возьми, а ведь красиво...

«Ухан, как вам это удастся?»

«Что именно?»

«Когда это вы научились танцевать?»

«Ах, это. Забавно выглядит со стороны, да? Я так понимаю, что это – результат компьютерной коррекции управляющих систем бара, наложение оцифрованных голограмм поверх наших истинных силуэтов. Чтобы облагородить представление и не испортить удовольствия зрителям. На самом деле мы топчемся как тхалы во время брачного периода, ну эти, которые обитают в нашем поместье на Вантесенте – толстые, вислозадые, рогатые и мохнатые...»

«Ты, может, и топчешься, как тхал, а лично я танцую», – высокомерно поправила БэЗэ.

«Это я понял, – я нетерпеливо отмахнулся, – но откуда вы знаете танец? Вы же вертитесь синхронно с остальными...»

«Врожденное чувство такта, присущее людям благородного происхождения», – важно ответил Ухан.

«Не слушай этого воображалу, Сوماха. Танцплощадку обслуживает ИскИн, он и подсказывает, как двигаться».

«Долдон ты наш любознательный, – с ласковой язвительностью оттранслировал Ухан, задетый тем, что сестренка так легко его „сдала“ мне, – почему бы тебе ни поскучать в гордом одиночестве? Своими вопросами ты мешаешь господам сосредоточиться, сбиваешь с ритма. Короче говоря, ломаешь кайф».

И он отключился, перекрыв мне визуальный доступ к своему лоцману. Какие мы нежные... Я даже немного обиделся. Они что, не понимают, что у меня, кроме них, здесь никого нет? И развлекаться, соответственно, не с кем. Да ну вас... как-нибудь переживу.

Возле столика возник «волчонок» и замер в вежливом ожидании. После секундной заминки сообразив, что ему надо, я кивнул, и он шустро прибрался, заменив пустую посуду тремя бокалами с освежающим напитком и вазочками с крошечными тостами – хлеб с джемом. Вот и отлично, будет, чем заняться.

– Что-нибудь еще?

– Спасибо, нет.

«Волчонок» откланялся и моментально испарился, а я потянулся к бокалу...

Глава 4

Новые знакомства

Рука замерла на полпути, когда я осознал, что официант приходил не один – он привел гостью. Она остановилась в двух метрах от столика и внимательно рассматривала меня из мягкого полумрака, терпеливо ожидая приглашения в соответствии с местными правилами поведения.

Худощавую, небольшого роста фигурку гостьи облегал такой же, как и на мне, невзрачный уличный костюм Сокты, а ее ничем не примечательное молодое лицо было из тех, мимо которых проходишь на улице, не замечая. Но в ее спокойном оценивающем взгляде читались сила и воля человека, привыкшего самостоятельно преодолевать жизненные трудности. Ни фига себе нагородил, да? Психолог доморощенный. Впрочем, как ни верти, а именно такие мысли у меня и возникли при виде незнакомки. Однако не стоило затягивать молчание, это неучтиво:

– Чем могу помочь?

Вопрос прозвучал как-то неловко. Что поделаешь, не умею толком разговаривать с незнакомыми людьми, тем более – с незнакомыми девушками. Ведь в Туманной Долине я все время жил среди своих, в привычном кругу друзей и родственников, так что практиковаться было не на ком.

Не пытаясь подойти, гостья негромко поинтересовалась:

– Это ведь ты набираешь команду?

– Команду? – машинально переспросил я, не столько думая о вопросе, сколько о том, кто же она такая.

Голос у нее оказался таким же невыразительным, как и ее лицо.

– Ну да, команду. У меня отличный боевой робот. Если еще остались вакансии, мы могли бы обговорить условия.

Ах, вот оно что. Простите провинциала за невольное смущение и растерянность, но у нас на Полтергейсте нет девиц, как там его... «легкого поведения». А о Сокте в этом аспекте я наслышан немало. Черт, я даже облегчение почувствовал, что она не из этих... торгующих телом и сексуальными услугами. Понятия не имею, как себя вести в подобных случаях.

Я включил режим «хроники» – интересные беседы надо записывать для личной истории, памяти лоцмана пока хватало. Затем предельно вежливо ответил:

– Прошу прощения, видимо, до тебя дошли неверные слухи. Мне нужна парочка старых роботов, не обязательно боеспособных в данный момент. Пилоты, к сожалению, не требуются.

Тут я сообразил, что не стоит вести деловой разговор от собственного лица, я ведь всего лишь «слуга», следовательно, нужно ссылаться на желания «господ». Надо быть впредь повнимательнее, а то «легенда» рассыплется, как песочный кулич.

– Понятно, – девушка коротко кивнула, не проявляя никакого беспокойства по поводу отказа. – Извини, что помешала твоему уединению...

– погоди, не уходи так быстро...

Гостья замерла в полуобороте. Затем деловито уточнила:

– Я не запрашивалась на дармовую выпивку, я действительно ошиблась.

– Извини, но я не покупаю ни тебя, ни твои услуги, – брякнул я и тут же почувствовал, что краснею. Что-то я не то несу. Все-таки здорово, что здесь так темно, авось она ничего не заметит. – Мне... мне просто нужен собеседник.

Незнакомка колебалась недолго, видимо, ей тоже нечем было заняться в этот вечер. Пожав плечами, она приблизилась и осторожно присела на стул, еще, наверное, не остывший после Мараны. Внимательный взгляд скользнул по трем бокалам на столике:

– Ты ведь здесь не один?

Мягкий свет, льющийся от столика, слегка окрасил ее лицо золотистым ореолом, четче выделив черты. Я понял, что немного ошибся в оценке ее внешности – по-прежнему далеко не красавица, но тем не менее очень даже ничего. Симпатичная. Темные волосы обрамляют голову пышной живописной шапкой, открытая шея выглядит трогательно беззащитной. Никогда не видел такой прически. Забавная. Особенно, если учесть бесстрастный вид ее обладательницы.

Я все еще был озадачен собственным порывом. Тем, что решился остановить ее. Наверное, мне просто надоело оставаться в меньшинстве. У приятеля имелась Марана, а моя Соната осталась на Полтергейсте... Впрочем, сейчас Соната была совсем не той девушкой, с кем бы я хотел пообщаться.

Я спохватился, вспомнив, что мне был задан вопрос:

– Да. Я развлекаюсь в компании со своими, господами, но они сейчас танцуют. – Господами. Вот черт. Как-то унижительно говорить о себе как о слуге, вот только деваться все равно некуда. – Мы с Вантесента. Кстати, – я показал глазами на бокалы, – можешь угощаться. Сок с тоником. Или тебе чего-нибудь покрепче?

– Пока сойдет и это. – По губам гостьи скользнула едва заметная улыбка. – Похоже, ты в весьма приятельских отношениях со своими господами, раз так вольно распоряжаешься их напитками.

– Я... Ничего, когда они вернутся, я закажу для них новую порцию. Меня, кстати, зовут Со... – я запнулся и нехотя поправился: – Долдон меня зовут.

И сам я порядочный долдон. И какой идиот придумал такое имя? Как можно знакомиться с девушкой, если у тебя, черт возьми, такое имя?! А уж без фамилии я сегодня точно обойдусь, мать вашу! Слюнявчика мне сейчас только и не хватало для полного счастья!

– Дьюсид. Дьюсид Зин.

Вот тебе на. Та же легкая улыбка, не более того. Выходит, зря опасался. Может, на ее родине такого слова просто нет в обиходе, и я напрасно сгущаю краски?

– Очень приятно. – Я облегченно вздохнул. – А какой, кстати, у тебя робот?

– Отдельно он не продается. – Легкое движение бровей, выражающее недовольство. – Управлять им буду только я. В свое время он мне слишком дорого достался.

– Не сердись, я спросил из чистого любопытства. – Я примирительно улыбнулся. Сейчас уже тем более я не хотел, чтобы она ушла. Вроде бы еще ничего между нами не сказано, но ее сдержанная манера поведения подкупала. Было с чем сравнивать. Например, с Сонатой. Соната – она не такая, она очень эмоциональная... я бы сказал, даже излишне эмоциональная. Черт, ладно – откровенно так откровенно. Сперва, при встрече, ее бурные эмоциональные всплески заряжают меня положительно, поднимают моральный тонус, но через некоторое время я просто устаю от постоянной перемены ее настроения. Перескакивая с одного на другое, она способна за минуту обсудить больше тем, чем я освою за неделю. В результате разговор с ней постоянно оставляет неприятный осадок бессмысленно проведенного времени. Поговорим вроде о многом, но в то же время – ни о чем. Глубиной мысли моя девушка похвастаться не может, и общение с ней уже не приносит былой радости. Продолжается такая тяготина уже давно, но я никак не решаюсь сказать ей об этом. Натура у нее ранимая, а я не из тех, кто любит причинять людям боль. Вот и мучаюсь сам, черт меня подери...

– «Вурдалак», – не слишком охотно сообщила Дьюсид. Видимо, не видела смысла распинаться о своем ИБРе, раз с наймом ничего не вышло.

– Неплохая машина... – уважительно сказал я, достаточно хорошо представляя, о чем она говорит, – на «Вурдалаке» я и сам нередко катаюсь дома, когда загружаюсь в «Железных Болванов», чтобы приятно провести свободное от дел время. И раскурочить парочку вражеских роботов. В этом у меня большая практика, поэтому любая сетевая команда Полтергейста предпочитает иметь меня в качестве бойца на своей стороне.

– Неплохая? Да у меня... ладно, замнем.

Как я уже убедился сегодня днем, нарвавшись на команду Манчеса, к своим роботам пилоты ИБРов питают нежные отеческие или материнские чувства (необходимое подчеркнуть в зависимости от пола). Видимо, я отозвался о «Вурдалаке» недостаточно корректно. Виноват, учту на будущее. К бокалу она так и не прикоснулась. Надеюсь, не из-за того, что побрезговала чужим, ведь никто его еще не трогал... Все-таки я самый настоящий долдон. Нужно было сообразить раньше и сделать заказ отдельно. Что значит – провинциал. Ладно, тогда я тоже не притронусь к напитку, чтобы немного сгладить оплошность...

– Ты тоже участвуешь в Чемпионате? – от расстройства я ляпнул слегка невпопад и, сообразив, что вопрос не очень-то умен, расстроился еще больше. Раз ищет контракт, значит, она со своим ИБРом свободна. Индивидуальные поединки на Чемпионате очень редки, в основном практикуются командные схватки.

– К сожалению, нет. – Она качнула головой. – Я здесь новенькая. Когда отправлялась на Сокту, не учла кое-какие мелочи, оказавшиеся впоследствии важными. Поэтому для регистрации прибыла слишком поздно, состав команд к тому времени уже сформировался.

– Тем не менее ты осталась.

– Да. Осталась. Рассчитывала на то, что серьезные травмы во время схваток на боевых роботах нередки и кто-нибудь из нанимателей возьмет меня взамен выбывшего пилота. Но Чемпионат уже подходит к концу, а подходящего случая до сих пор так и не подвернулось.

Похоже, мысль о собственных травмах, которые она могла получить так же, как и любой другой пилот, ее совсем не волновала.

– Да, это проблема, – посочувствовал я ради проформы, так как сам с подобными проблемами никогда не сталкивался. – Обслуживание «Вурдалака» наверняка стоит недешево, даже если он просто стоит на парковке.

Она скупно усмехнулась:

– Верно. Платная стоянка в городском механгаре ежечасно сжирает приличную сумму, а счет у меня не резиновый. Кроме того, меня только что надули. Один пройдоха указал на тебя как на потенциального нанимателя «мехвоинов». За эти сведения мне пришлось выложить кое-какие денежки, а у меня с ними и так дело обстоит плачевно.

Я нахмурился. Она что, пытается получить с меня компенсацию? Я быстренько прокрутил в голове начало знакомства, особенно тот момент, когда она сразу собралась уйти, едва поняла, что ошиблась, и пришел к выводу, что нет, это не так. Скорее, просто делится своими мыслями. Очень порядочная... девушка? Интересно, сколько ей лет – двадцать пять, тридцать? Или больше? Трудно определить – лицо молодое, но с современными методами генного омоложения ей с таким же успехом может быть и за пятьдесят. Бррр, только не это... Погоди, погоди, а какая мне разница? Я же просто беседую, что мне до ее возраста? Текущая задача – просто поддерживать разговор, и для этого имеется отличная тема, роднившая в той или иной мере нас обоих.

– Я тоже здесь новенький, – охотно признался я. – И хотя я не водила, как ты, но от «гэпэшек» с ИБРами тащусь, наверное, не меньше «подражателей».

– «Подражателей»? – Она снисходительно улыбнулась, и от этой легкой улыбки ее лицо заметно похорошело. Удивительно, как иной раз обыкновенная улыбка меняет облик. – Я правильно тебя поняла, ты еще не участвовал в их играх?

– Вообще-то нет, но я как раз собирался узнать подробности... Ты меня не просветишь?

– Это несложно. Информацию ты можешь получить у ИскИна бара.

– Я знаю. – Я широко улыбнулся, надеясь, что это вышло достаточно обаятельно, чтобы растопить ее суровое водительское сердце. – Но было бы приятнее пообщаться с живым человеком.

– Довольно неуклюжий способ познакомиться поближе, ты не находишь?

– Наверное, – не без смущения согласился я. – Но мне действительно с тобой интересно...

Она скептически посмотрела на меня, хотела что-то сказать, но промолчала. Тем не менее ее взгляд заметно потеплел, и я понял, что кое-чего все-таки добился. Не знаю, как обстоит дело с обаянием у меня, но вот она его точно не лишена. По сравнению с красотой Сонаты, конечно, внешность у нее неказистая, но... Может, в самом деле?.. Я резко оборвал крамольную мысль, слегка нахмурившись. Нет. Я только собирался сказать Сонате о разрыве, но не успел этого сделать. А значит, пока не имел права заводить близкие знакомства на стороне. Тем более, за один день человека все равно хорошо не узнаешь, а дольше остаться на Сокте вряд ли получится... Да, все это так, тут же возразил я себе, но ведь от дружеского разговора не случится ничего недостойного, идущего вразрез с моральными устоями нашей общины, верно?

– Ну хорошо, – Дьюсид кивнула. – Правила следующие. Сценарий игры действует по непрерывной схеме, модель поведения – все против всех, отсюда и название – «Противостояние», число участников ограничено только количеством, желающих или свободных сенс-лож. Кстати говоря, маститые игроки – элитары, да и множество ветеранов, располагают необходимым для игры оборудованием у себя дома, поэтому им нет необходимости тащиться в клуб, просто подсоединяются по Сети. В игре используются все типы роботов – легкого, среднего, тяжелого и штурмового классов, но стартовые модели для игроков выпадают случайным образом из среднего класса. Одержавший победу над любым из противников автоматически переносится на свободный от боевых действий участок местности, получая тем самым фору для подготовки к следующей схватке. Кроме того, победителю передается более мощная модель робота – по выбору искусственного интеллекта симулятора. Проигравший, соответственно, пересаживается в модель послабее. После трех поражений подряд игрок выводится из игры на время, зависящее от текущих обстоятельств – если нет очереди к симулятору, то минимум на три часа, чтобы стряхнуть шоковый синдром и загрузиться снова, в противном случае можно ожидать своего следующего сеанса и несколько дней. Желающих поиграть, должна заметить, здесь всегда хватает.

Я, наверное, не сумел бы обрисовать столь гладко, да, еще таким сухим, академичным тоном. Или она просто читает текст справки в Сети? Да нет, вряд ли. Некоторые заинтересовавшие меня моменты потребовали уточнения:

– Ты сказала – непрерывный сценарий. А если игроков в клубе все-таки не хватает? Непредвиденные проблемы в семье или на работе, кто-то не пришел? Игра приостанавливается?

– Меньше четырех игроков не бывает никогда. При необходимости ИскИн симулятора временно формирует виртуальных игроков, используя базовые характеристики тех, кто прошел через сито симулятора и оставил после себя личные данные – манера поведения, скорость реакции, личные предпочтения в использовании вооружения, в общем, рисунок боя.

– Любопытно. То есть после участия в игре в ней остается твой компьютерный двойник, у которого всегда есть шанс воскреснуть без твоего ведома и желания?

– Верно.

– Судя по нарисованной тобой картине, должен иметься предел повышения статуса и для победителя. Я угадал?

– После трех побед подряд на самой мощной в симуляторе модели – тоже на отдых, – подтвердила Дьюсид. – Причем при следующем входе в симулятор стартуешь не со средней класса, а с легкого. Чтобы выровнять шансы мастера с не очень продвинутыми пилотами.

– Круто замешано... – Я покачал головой, испытывая невольное уважение к разработчикам «гэпэшки». – А что за шоковый синдром, о котором ты упоминала?

В ее глазах мелькнули веселые искорки... Или мне показалось?

– А что тут непонятного? Если вылетаешь из «Противостояния», к примеру, на горячей машине, то испытываешь не очень приятные ощущения, которые не сразу отпускают твою нервную систему. Откровенно говоря, любой исход – победа или фатальное поражение, помогает избежать боли от текущих повреждений.

– Боли? – озадаченно переспросил я. Или я чего-то не понимаю, или...

– Ну да. Если загружается новая машина, все повреждения прежней аннулируются. Поэтому игроки иной раз сознательно идут на уничтожение собственной машины, если она сильно побита.

– погоди, я не об этом. При чем тут боль?

– А, вот ты о чем. – Дьюсид едва заметно пожала плечами, словно я спросил о чем-то незначительном. – «Подражатели» используют нейросенсорику обратной связи на все сто процентов. Именно этим их клуб и популярен.

По спине продрал холодок, когда до меня дошло, о чем идет речь. И в то же время мне стало действительно интересно. В «Железных Болванах» тоже используется подобный принцип «второго тела» – то есть, находясь внутри робота, ощущаешь его внутренние и внешние механизмы как часть себя самого. Если в плечо твоего робота, к примеру, вlepили снаряд, то не обязательно смотреть на показания датчиков, чтобы выяснить характер повреждения и направление, откуда пришелся выстрел – просто разворачиваешься и практически безошибочно долбишь в ответ. Но чувствительность при этом сведена до минимума – чувствуешь только удар, а не его последствия. В «Противостоянии» же дело обстоит иначе. Стопроцентная «обратная связь» – это практически полная чувствительность человеческого тела... На Полтергейсте подобная техника под запретом. Совет старейшин ссылаясь на то, что «смерть» в симуляторе разлагает душу и отягощает карму, ожесточает человека. А на мой взгляд, старейшины сильно преувеличивают, не так уж это и страшно. Может, стоит проверить их теорию на практике? Вдруг хоть немного избавлюсь от своей мягкотелости? Только... боязно как-то. Боль ведь штука неприятная, а очень сильная боль – неприятная штука вдвойне...

– Я вижу, ты удивлен, – заметила Дьюсид. – У вас на Вантесенте такое не практикуется?

Вопрос застал меня врасплох. Я не знал, как на Вантесенте дело обстоит в действительности, а в местной Сети ковыряться было некогда, да еще и неизвестно, была бы там такая информация. Поэтому пришлось импровизировать:

– Как тебе сказать. Кое-где, конечно, такие симуляторы имеются, но сам я лично не участвовал... Просто подобные развлечения на Сокте меня несколько удивили – словно недостаточно реальных боев с настоящими роботами... А ты сама... пробовала?

– Да, три дня назад. В первый раз, сгорев вместе с ИБРом, я чувствовала себя так, словно мозг вынули из черепа и бросили в огонь. – Ее голос звучал предельно спокойно, словно она рассказывала о незначительном эпизоде в своей жизни, не стоящем внимания. – Боль продолжалась несколько часов – даже после того, как мне вкололи «черный рай». Здесь всегда есть дежурный медик с инъектором наготове. Не бесплатно, естественно, препарат не из дешевых.

– Что за... – я даже запнулся. От красочно нарисованной картины последствий меня зябко передернуло. – Что за «черный рай»?

– Специальный анестетик. Тормозит в организме биосинтез модуляторов болевой чувствительности и повышает выработку эндорфина. Это помогает сопротивляться шоку. Требуется только новичкам, ветераны «перевоплощений» переносят свою «смерть» без особых

последствий, их организм приспособляется вырабатывать повышенную дозу эндорфина сам, и даже скажу больше – некоторые впадают в зависимость от этой «гэпэшки» и уже не могут без нее долго обходиться. Я вижу, как у тебя горят глаза, поэтому дам бесплатный совет – не рискуй. Если твой мозг не сумеет отличить иллюзию, созданную симулятором, от реальности, возможен и летальный исход...

– Не может быть, – я не поверил. Возможно, она меня обманывает? Просто, чтобы произвести впечатление, поприкалываться над провинциалом? – Такие игры не могут быть разрешены легально...

«Если вообще существуют», – добавил я про себя.

Дьюсид не успела ответить, наше уединение было грубо нарушено.

– Я слышал, тебе нужны «мехи»?

Возникший возле стола тип – худощавый человек с резкими, неприятными чертами, преспокойно уселся на стуле Ухана и уставился на меня ничего не выражающим, но вызывающим смутное беспокойство взглядом. Платиновые волосы, даже на вид жесткие, как проволока, оплетали его голову редкой паутиной, красноватая, рыхлая кожа на лице казалась воспаленной – словно он только что вырвался из объятий свирепых пустынных ветров Сокты. Или пьянствовал неделю напролет. В отличие от меня с Дьюсид, на незваном госте вместо пыльника был длинный черный плащ до колен, что уже само по себе, кроме колоритной внешности, привлекало внимание.

Забавно, как быстро распространяются слухи. Стоило только днем пройтись по механгарам, как вечером начали осаждать гости. Но одно дело – вежливый визит Дьюсид, а другое – бесцеремонное вторжение этого красноржего. Я постарался принять как можно более независимый вид, намереваясь несколько осадить нахала:

– Боюсь, я не знаком с тобой.

– Это не важно. Зачем тебе понадобились роботы?

Даже не заметив моих потуг выглядеть солидно, тип преспокойно взял со стола бокал. Который ему, между прочим, не предлагали. Несколько крупными глотками вылакал содержимое до дна и поставил бокал обратно. Явно жажда замучила. Сушняк. Вот скотина. Я даже растерялся от такой наглости. Может, позвать Ухана? Я невольно покосился на Дьюсид, бесстрастно наблюдавшую за нами обоими. И определенно не собиравшуюся вмешиваться. С одной стороны, правильно, я ведь для нее такой же посторонний человек, как и этот тип, а с другой стороны, почему-то обидно, словно я вправе был ожидать от нее поддержки. Нет, Ухан обойдется, решил я, буду развлекаться самостоятельно. Имею право на маленькую месть за то, что он бросил меня здесь в одиночестве, или нет? Жаль только, что Ухан, засранец, уволок с собой «Опекуна», который мог бы обезопасить ситуацию.

– Они нужны не мне, – хмуро пояснил я красномордому. – А моим господам.

– Понятно. – Тип потер указательными пальцами набрякшие мешки под глазами, подвигал челюстью, словно проверяя, как она функционирует, сплюнул под стол. Затем с откровенным омерзением покосился на полный бокал, стоявший перед Дьюсид. – И как только люди могут пить такую дрянь... – Взгляд воспаленных глаз переместился снова на меня. – Выходит, у твоих господ имеются ценности, которые стоит защищать с оружием в руках?

– Еще бы, – неприязненно парировал я. – Они, например, весьма ценят свою жизнь.

Мне все больше не нравился этот человек. И его манера разговора мне тоже не нравилась. Весьма агрессивная, оскорбительная манера. Словно он считал себя вправе разговаривать со мной, как с каким-то слугой... Черт, да я же и был слугой двух молодых господ. И все же этот тип заставлял меня нервничать, что мне совсем не нравилось.

– «Мехи» стоят весьма недешево, а их обслуживание обходится еще дороже. Так кого ты представляешь, парень? К черту вежливость.

– Я так и не слышал твоего имени, между прочим.

– А ты настырный, как я погляжу.

– Какой уж есть, – сквозь зубы ответил я, с трудом сдерживаясь, чтобы не послать вместе с вежливостью ко всем чертям и его самого. Удерживало только одно – он мог оказаться потенциальным продавцом так необходимых нам ИБРов.

Рядом в полумраке безмолвно появился «волчонок», проверяя, не возникла ли необходимость в его услугах.

– Коктейль «Рваная печень», – бросил ему красномордый. – Быстро.

Ну и дурацкое же название, мелькнуло в голове.

«Волчонок» не тронулся с места, вопросительно глядя на меня и Дьюсид. Заметив это, краснорожий неприятно усмехнулся и поманил его пальцем. Мальчишка подошел ближе, сохраняя на лице маску дежурной вежливости и готовности услужить.

– Ты слышал заказ?

– Да.

– Тогда почему ты еще здесь?

– Прошу прощения, но другие господа еще не высказали пожеланий.

Краснорожий усмехнулся еще неприятнее и... мгновенно оказался на ногах. Резкая пощечина швырнула пацана на пол. От неожиданности я тоже вскочил, не веря своим глазам. А когда эта скотина снова занес руку, собираясь повторить, – мальчишка растерянно поднялся, явно ничего не соображая от удара, я подлетел к нему и перехватил руку.

– Оставь его, придурок, – зло вырвалось у меня. – Нашел кого бить.

Я бегло глянул на Дьюсид, ожидая поддержки, но каково же было мое удивление, когда обнаружилось, что она сидит на своем месте и все так же спокойно наблюдает за нашей ссорой. Происходящее ее совершенно не касалось.

Краснорожий стряхнул мою руку со своей, а на его лице появилось странное выражение. Словно он был удивлен самим фактом прикосновения – тем, что я посмел это сделать. Наверное, так удивляется огородник, с которым вдруг начинает драться какой-нибудь сорняк за место под солнцем на его земле.

– Действительно, – медленно проговорил он, посмотрев на меня как-то по-новому. – Ты – гораздо лучшая мишень...

Движения я не заметил, настолько оно вышло быстрым и неожиданным.

Несколько мгновений полной тьмы, безмолвия и бесчувствия... Сознание словно выключилось, но не до конца – какой-то его малой и безликой частью я продолжал ощущать себя в кромешном мраке, словно слепая рыбешка, плавающая в бездонной толще океана и потерявшая всякое представление о направлении. Жуткое ощущение... А когда перед глазами немного прояснилось, я обнаружил, что сижу на стуле, безвольно откинувшись на паутинную спинку. Все тело занемело и казалось чужим, рядом стоял «волчонок» и обрабатывал мне подбородок медицинским тампоном. Я с трудом приподнял отяжелевшую, словно после похмелья, голову и поискал глазами, но неприятный тип уже успел бесследно испариться. Дьюсид осталась. Так и сидела – за столом напротив, кажется, даже не изменив позы. Наши взгляды встретились, и она едва заметно кивнула.

– Как себя чувствуешь?

– Спасибо, хреново, – хрипло выдавил я, поразившись незнакомому голосу, которым заговорил. – Что... что произошло?

– Он тебя ударил, господин, – вежливо сообщил «волчонок» то, что я уже и сам понял. – У него на пальце кольцо с шокером, поэтому минуту ты был в отключке.

Права была Зайда, вяло мелькнула мысль – на улицах Волчьей Челюсти нет честных драк. Я только что в этом убедился. И, похоже, еще легко отделался.

– А что с моим лицом?

– Ничего особенного, пара царапин, – через стол усмехнулась Дьюсид.

Я заметил свежую ссадину на щеке малолетнего официанта, возившегося со мной, словно нянька, и не смог не поинтересоваться:

– Ты сам-то как?

– Нормально, господин. Вызвать полицию?

– Конечно. – Вопрос меня удивил. – А почему ты этого еще не сделал?

– Я запретила, – спокойно произнесла Дьюсид.

– Это еще почему?

– За ту минуту, что тебя с нами не было, кое-что произошло.

– Тогда расскажи мне, из-за чего не следует вызывать полицию, – раздраженно сказал я, отмахиваясь от настойчивых услуг «волчонка», не желавшего отставать от моего лица со своим тампоном. Тот понял и отступил.

– Спасибо, господин, – очень серьезно поблагодарил меня парнишка.

– За что? – Я даже не сразу сообразил, в голове все еще прилично шумело. – А, на здоровье.

– Есть еще какие-нибудь пожелания по сервису, господин?

– Свободен. – В голосе Дьюсид проскользнули повелительные нотки. Когда «волчонок» послушно исчез, она повернулась ко мне: – Ты в курсе, кто был тот человек?

– Этот красномордый тип? – вяло уточнил я. – Нет. И знать не хочу.

– Напрасно. Его зовут Ктрасс, он человек Змеелова.

Имя показалось мне смутно знакомым. Где же я его слышал? Погоди... Я сверился по лощману. Так и есть – капитан «Шипящих Гадов», команды, вышедшей в полуфинал «Волчьих Игрищ». Это имя я слышал сегодня в местных новостях еще утром. Но что с того?

Недоумение длилось недолго.

– Благодаря моему вмешательству в вашу маленькую ссору, – невозмутимо добавила Дьюсид, прервав мои сумбурные размышления, – у меня с ним сегодня поединок на Арене. Через три часа. Мой «Вурдалак» против его «Костолома». Так что теперь это вопрос чести, моей чести, и тебя данная проблема уже никоим образом не касается. Тем более – полиции.

– Ты заступилась за меня? – не сразу поверил я. Но это вполне могло быть правдой. Хотя бы потому, что красномордый не успел отколотить меня как следует, пока я пребывал в отключке – я не чувствовал на теле никаких повреждений, только челюсть ныла после первого и, видимо, последнего удара. Странное поведение Дьюсид просто ставило в тупик. Она спокойно смотрела на то, как этот придурок ударил мальчишку, но стоило мне с ним из-за этого сцепиться, как она тут же вмешалась. Хотя уже знала, что я ничем ей с работой помочь не могу и, по сути, должен быть безразличен так же, как и этот пацан.

– Не понимаю. Ты ведь меня едва знаешь, что же заставило тебя так рисковать?

Естественно, я не ожидал никаких признаний во внезапных симпатиях к своей персоне, это было бы нелепо, дешевый трюк развлекательных программ. Но того, что она сказала в ответ, тоже не ожидал.

– На то имелось несколько причин. – Дьюсид посмотрела на меня с каким-то странным сожалением и легкой иронией, словно удивляясь моей непонятливости. – И одна из них состоит в том, что ты уже взрослый и дееспособный человек в отличие от этого пацана, а потому твоя жизнь имеет большую ценность для общества. Остальные причины касаются только меня самой.

– Не понял. – Я машинально потер болезненно нывший после удара подбородок. – Проясни, пожалуйста, вот этот момент про ценность. Хочешь сказать, что эта сволочь могла убить мальчишку, а ты и пальцем бы не пошевелила?

Черт, что же это я несу? И это вместо слов благодарности? Впрочем, не чувствовал я никакой благодарности. Ничего не чувствовал. Потрясение еще не прошло.

Дьюсид поднялась одним четким, пружинистым движением, всем своим холодным, отстраненным видом говоря, что делать ей здесь больше нечего.

– Извини, но мне пора. Пора готовить «Вурдалака» к выходу.

Не успел я открыть рот, чтобы ее остановить, как она шагнула за пределы подсвеченного столом пространства и мгновенно исчезла в темноте.

А на меня как-то запоздало накатила нервная реакция на все случившееся. Какой же я придурок. Даже руки затряслись от едва сдерживаемых эмоций. В безотчетном порыве я обеими руками схватил и стиснул бокал, желая его раздавить. Чтобы осколки впились в ладонь, до крови Бокал оказался слишком крепким, а злость по-прежнему требовала выхода. Злость не на этого подонка, обломавшего мне знакомство с Дьюсид и испортившего хороший вечер, даже не на Ухана с Мараной, развлекавшихся в тот самый момент, когда меня избивали, и так ничего и не заметивших. Нет, я злился на себя самого. За состояние унижительной беспомощности, в котором позволил себе оказаться. Этот тип вырубил меня, как какого-то щенка... Права Марана, необходимо «качать» не только «железки», чтобы уметь постоять за себя. Главное – быть морально к этому готовым... А я, как видимо, не готов. Щенок и есть.

Помнится, последний – и единственный раз меня били много лет назад, когда мне стукнуло всего четырнадцать, и после того случая у меня было так же погано и мерзко на душе, как сейчас. Дело было так: я катался на трассере по ночным улицам Ляо – в северной части города, в районах, считающихся слегка «неблагополучными». Ухан с Мараной предпочли остаться дома и мило поворковать наедине, а у меня тогда девушки еще не было, с Сонатой я познакомился позже, да и особо не интересовали меня в том возрасте проблемы пола. Поэтому той ночью я был один и наслаждался «сопливой» романтикой, с ревом проносясь на предельной скорости по малознакомым улицам. А в самый пик кайфа трассер возьми и заглохни. Как я ни пытался его «оживить», ничего не выходило, пришлось плюнуть и вызвать по лощману общественный транспорт. Для ориентировки я дал диспетчерской ближайший перекресток и отправился к нему пешком. Помню, когда я топал к тому перекрестку, я думал о чем угодно, только не о том, что меня могут избить. Такое в Ляо случается очень редко, поэтому подобная возможность даже не пришла мне в голову. Я просто шел, дышал свежим воздухом и уже почти перестал досадовать на свой некстати заглохший трассер, когда заметил, что на этой улице уже не одинок. В кильватер пристроились двое неизвестно откуда взявшихся подростков, один – на полголовы выше меня ростом, второй чуть пониже. Причем пристроились молча, не отставая от меня ни на шаг. Я их не знал. Вот тогда я и подумал о разборке. Подумал с некоторым удивлением. В человеческой подлости у меня и сейчас не слишком обширные познания, а тогда и того не было, поэтому как-то не верилось, что будут бить. За что, собственно? Мысль даже показалась забавной и отчасти волнующей. Одно приключение сменилось другим. Когда они поравнялись со мной, я решил заговорить... а потом случилось то же, что и сейчас – сознание словно остановилось. Я обнаружил, что сижу на корточках, упираясь ладонями в асфальт, во рту сразу сделалось липко и солоно, по подбородку струилась кровь. Сознание возвращалось медленно, я плохо соображал, но, почувствовав рядом чужое движение, остался сидеть, инстинктивно закрывшись руками от следующего удара. Предчувствие не подвело, но удар пришелся в скулу слева. Он был намного слабее и не смог сбить с ног, как первый. В голове бродила сплошная муть, хотелось вскочить и кинуться на эти смутные силуэты с кулаками... Я ничего не сделал. Не нашел в себе смелости. Темные силуэты драчунов, видимо, решивших, что для меня вполне достаточно, быстро удалялись – все в том же пугающем безмолвии... А я так и сидел, в злом и растерянном бессилии, тщетно пытаясь вытереть с губ кровь, рука, блестевшая в отсветах Савана – спутника Полтергейста, была вся в крови, а та струилась безостановочно, заливая подбородок, шею, руки. Я не мог понять, откуда она так сильно течет, но от шока не испытывал боли. Пугал лишь сам факт обильного кровотечения. Потом меня нашло вызванное ранее авто такси. Воспользовавшись зеркалом и аптечкой, я обнаружил глу-

бокую рваную рану на верхней губе справа – губа была пробита насквозь. Подумав, я пришел к выводу, что удар был нанесен кастетом... Кастет в Ляо – нонсенс. Я никому не рассказал правду о том случае. Даже Ухану, своему лучшему другу. Сказал, что споткнулся. И впоследствии никогда не слышал, чтобы еще кто-нибудь пострадал в том же районе. Видимо, те двое свою жажду приключений вполне удовлетворили по-своему и больше не возвращались к подобным экспериментам. Золотая молодежь Ляо иной раз такое откалывает, что диву даешься...

Это воспоминание до сих пор, спустя годы, жгло стыдом и вызывало гнев. Никогда мне еще не приходилось испытывать столь унижительного чувства беспомощности и уязвимости, как в ту ночь. Вот и не мог его забыть. Ситуация повторилась, но сейчас все было иначе. Не знаю, что имел в виду Дьюсид, говоря, что я взрослый человек, но это и впрямь так, и мне вовсе не доставляет удовольствия, когда всякие подонки так со мной обращаются. Пусть даже эти подонки – квалифицированные пилоты боевых роботов. Настоящих ИБРов, а не того виртуального хлама, с которым я привык иметь дело в Ляо. Это еще не дает им права так себя вести с окружающими...

Внутреннее состояние настоятельно требовало выхода. Какого-то действия, поступка. Любого. Если я так и останусь сидеть, сжимая кулаки от бессильной злости, то просто взорвусь. Требовалось что-то срочно сделать, и не слишком противозаконное – в отличие от этого Ктрасса, я стараюсь не срывать свое раздражение на первых встречных, не имеющих к моим проблемам никакого отношения...

Я полез в Сеть за дополнительной справочной информацией.

Итак, «Противостояние» в этом клубе-баре длится непрерывно уже несколько лет. Игра превратилась в культовую, а ее известность шагнула за пределы данной звездной системы, не добравшись только до нашего захолустья – Полтергейста. Все, как и рассказывала Дьюсид – выбывших тут же сменяют другие желающие, которым несть числа. Все игроки по степени подготовки делятся на четыре категории – новички, рейдеры, ветераны и элитары. Последние – самые маститые игроки, в совершенстве владеющие всеми классами роботов и любым вооружением, и потому они – самые опасные. Очередь на их участие расписана далеко вперед, так как по существующим правилам больше двух элитаров одновременно в игре участвовать не могут, иначе быстро перебьют все, что «шевелится». А вот новички всегда принимаются вне очереди, «подражатели» охотно идут на обновление и пополнение состава своего клуба. Разумно – привычки и уловки старых, притертых между собой «вояк» знакомы друг другу до мелочей, а новый игрок тем и интересен, что его манера поведения еще никому не известна, что само по себе способно внести элемент интриги в давно устоявшийся процесс. Как раз мой случай...

До поединка Дьюсид Зин с Ктрассом – три часа, время у меня есть. Для себя я уже решил, что обязательно попаду на этот поединок хотя бы в качестве зрителя – элементарное проявление благодарности к той, которая выручила меня из передраги. Хоть поболею за нее. Нелегко ей придется, черт... «Вурдалак» Дьюсид весит шестьдесят пять тонн, «Костолом» Ктрасса – восемьдесят. Робот тяжелого класса против штурмового. Разница по весу на первый взгляд не слишком большая, но если учесть, что суммарный залп «Костолома», с его двумя тяжелыми гаусс-пушками «линия», процентов на сорок перекрывает соответствующий показатель «Вурдалака»... Черт возьми, да я заранее сочувствовал Дьюсид. Шансы на победу у нее куда ниже, чем у Ктрасса. Но я, кажется, догадывался, зачем она это затеяла...

Оборвав размышления, я решительно вызвал путевода бара. На полу тут же загорелась светящаяся голографическая стрелка, готовая провести по погруженному во мрак залу к месту, где располагался симулятор «подражателей». Теперь главное – не передумать. Судя по полученным сведениям, «Противостояние» – идеальное средство для выяснения одного весьма волнующего меня вопроса. А именно – что же я представляю собой на самом деле и есть во мне хоть немного истинного мужества? Пора, пора все-таки узнать, что такое настоящая

боль, и получить полезный жизненный опыт. В конце концов, кто, как не я, один из лучших игроков Туманной Долины?

Поймав себя на том, что колеблюсь в своем решении, я разозлился еще больше. Хватит. Хватит, черт возьми, этого гнилого слюнтяйства. Этой проклятой мягкотелости. Сыт по горло. Если я и пожалею об этом позже, пусть это будет потом. А сейчас я это сделаю, и точка. По крайней мере, если все-таки проиграю вчистую, оставлю своего виртуального двойника Сокте на память. Тоже дело...

Я быстро набросал в диалоговом окошке виртуалки сообщение для Ухана и поставил его на десятиминутный таймер. Пусть новость дойдет до адресата, когда отговаривать меня будет уже поздно. Затем порывисто поднялся и двинулся в направлении, указанном ИскИном бара.

Если немного покопаться в истории, то существующие ныне боевые роботы были когда-то созданы с подачи именно таких компьютерных игр, как, к примеру, «Железные Болваны», в которых я «рубился» у себя дома, на Полтергейсте, или «Противостояние» – игры, популярной на Сокте. Нашлись люди, у которых страстное желание ощутить вкус реального сражения совпало с их немалыми финансовыми возможностями. Они-то и сумели воплотить свои безумные желания в действительность. Забавный факт, но первое же, с чем эти энтузиасты-создатели столкнулись, – несоответствие общепринятого в играх веса машин с их размером. Представьте внешний облик пятнадцати – или семнадцатиметрового человекоподобного монстра, рядом с которым человек выглядит как мышь по сравнению с самим человеком. Представили? Начните этого монстра орудийными установками соответствующего размера и мощности, чтобы залп из них выглядел не как вспышка спичечной головки на фоне газовой плиты, а как смертоносный, всесокрушающий ураган из огня и стали. Готово? Теперь многократно продублируйте цепи питания и передачи данных всех его внутренних механизмов, систем ведения огня, навигации. Засандальте в брюхо главный и вспомогательный двигатели, напшигуйте многотонными контейнерами с боекомплект, батареями радиаторов и теплообменников для сброса излишков тепла, натыкайте тысячи датчиков и сенсоров, чтобы гиганта невозможно было ослепить в ходе боевых действий даже при очень сильных повреждениях. А в завершение снизу доверху обейте весь корпус мощными плитами дифференцированной брони и усильте защиту наиболее важных узлов ходовой части за счет навесных, легко заменяемых при повреждении бронешек. Ну и как, по-вашему, – сколько подобная штукенция должна весить? Ладно, не буду, как говорится, тянуть кота за причинное место – создатели на то и создатели, они не стали гадать, они сели за расчеты. В результате у них вышло, что стандартный игровой стотонник, если использовать для его изготовления обычные, давно зарекомендовавшие себя в военном производстве материалы и сплавы, будет на самом деле весить в три, в четыре раза больше, чем нужно. Было от чего схватиться за голову. Дело даже не в том, что понадобились бы значительно более мощные двигатели и узлы, чтобы привести такую машину в движение – проблема заключалась в самом весе. Шагающий робот ведь назван «шагающим» именно потому, что у него из «задницы» ноги растут, а не, к примеру, гусеницы-траки, как у среднестатистического тяжелого танка далекого прошлого – времен, предшествовавших изобретению антигравов. Поэтому весь этот огромный вес должен распределяться на площадь всего двух стоп, и какими бы большими они ни были... С лыжами вариант не предлагайте, не прокатит. Робот все-таки, а не снегоход. Короче – существующие дороги смололись бы в песок, вздумай такой здоровяк прогуляться по ним вместо обычного транспорта. А променад по бездорожью, по пересеченной местности любой сложности, ради чего, собственно, было затеяно дело, отпадал тем более – получился бы траншеекопатель, а не боевой робот. Полная бессмыслица. Конечно, с моделями полегче, чем гипотетический стотонник, разговор попроще, но фанаты сразу задались целью решить проблему целиком, по максимуму.

И решили-таки благодаря применению весьма дорогостоящих технологий, позволивших получить новые сверхлегкие и сверхпрочные материалы – так называемые наноккомпозиты.

За их счет вес основных деталей каркаса и брони робота удалось свести как раз к тем цифрам, которые указывались в компьютерных играх, так что внешняя сторона самой идеи индивидуальных боевых роботов была полностью соблюдена. Конструкторы пошли даже немного дальше. К субатомному движку, служившему основным энергоисточником машины, питающим ходовую часть и оружейные системы, был присобачен электромагнитный генератор для создания защитного электромагнитного поля, попав в которое низкоскоростные снаряды и ракеты, развивающие скорость до тысячи километров в секунду, в большинстве случаев разрушались либо отклонялись в сторону. А затем, подумав, в духе нынешнего времени добавили и антигравитационную установку, при включении вообще ополовинившую вес гиганта. В результате среднее удельное давление на грунт удалось уменьшить до двадцати-сорока килограммов на квадратный сантиметр – цифры примерно соответствовали показателям вышеупомянутого гусеничного танка.

Все эти исследования и разработки вылетели в астрономическую сумму, но, когда несколько моделей были созданы и опробованы, на них обратили внимание не только любители компьютерных игр. Самоходная наземная крепость с колоссальной огневой мощностью и невероятным запасом живучести, способная быстро перемещаться практически по любым типам местности, прельстила военные и силовые структуры Гэгвэя – планеты, принадлежавшей Галактической Федерации миров и уже известной ранее производством малых экзот-роботов для охранной и диверсионной деятельности. Проект назвали «Шагающая Смерть». Уже сконструированные и воплощенные в жизнь модели, что называется, были закуплены на корню, тщательно модернизированы, оснащены специально доработанным или заново спроектированным вооружением и предложены желающим.

Желающие нашлись.

Нашлись во многих мирах, достаточно богатых, чтобы позволить себе столь дорогие игрушки. Более того, «Шагающая Смерть» стремительно вошла в моду и превратилась в непремный элемент престижа власть имущих. Президенты и диктаторы любых стран или планет стремились заполучить хотя бы звено ИБРов из трех-четырёх машин для своей личной гвардии...

Время текло, ажиотаж спадал, технологии совершенствовались. А производство роботов удешевлялось и в конце концов стало доступным не только экономике отдельных государств, а просто очень богатым людям. Вот тогда все и вернулось на круги своя – роботов начали приобретать и использовать те, для кого они и были задуманы изначально – любители игровых баталий. Было выбрано место проведения Чемпионата – Сокта, выработаны правила ведения схваток, оговорено использование определенных типов вооружения, и...

И пошло-поехало.

Я шагнул внутрь симулятора – цилиндрическое помещение около семи метров диаметром, уставленное по всей окружности сенеложками, и остановился, с интересом осматриваясь.

В отличие от бара, здесь освещение было нормальным. Центральная оперативно-тактическая голограмма, парившая посреди зала в воздухе, демонстрировала с высоты птичьего полета весьма протяженную территорию, представлявшую собой сильно пересеченную гористую местность. Миниатюрные фигурки роботов, разбросанные друг от друга на разные расстояния, при таком масштабе напоминали игрушечных солдатиков, сцепившихся между собой в многочисленных дуэлях, а связывавшие их воедино огненные трассы ракет и лазерных плей не воспринимались всерьез.

– Новенький? Хочешь попробовать?

Меня окликнул оператор – молодой светловолосый парень в серой мешковатой униформе. Он сидел в легком вертящемся кресле за управляющей консолью – плоской горизонтальной панелью с датчиками слежения, диагностики и коррекции, вынесенной к его рукам на

тонкой стойке, и сосредоточенно наблюдал за процессами, происходящими на голограмме. Но стоило мне войти, как его внимание сразу же переключилось на потенциального клиента.

Я вежливо кивнул:

– Возможно. Но сперва хотелось бы осмотреться...

– Нет проблем. Выбирай любое свободное ложе и осматривайся, сколько хочешь. Если передумаешь, то никто удерживать не будет. Вступительный взнос у нас чисто символический – десять кредо. Кстати, ставками интересуешься? Видишь вон того парня? – Оператор махнул рукой в сторону ложа справа, где в кресле с полуопущенной спинкой уже сидел участник, готовившийся к погружению – симпатичный темноволосый паренек лет четырнадцати. – Это Рамзес.

Взгляд парня тоже был сосредоточен на оперативно-тактической голограмме, но на комментарий оператора он отреагировал моментально – улыбнулся и приветливо помахал мне рукой, после чего снова уставился в экран. На его лоцман наверняка сейчас поступала масса подробнейшей информации по всем баталиям «Противостояния», так что особо отвлекаться ему было недосуг.

– Ты не смотри, что он такой улыбочивый и «зеленый» на вид, – доверительным тоном поделился оператор, видимо желая приобщить меня к местным секретам и тем самым подвигнуть к участию в игре. – Он у нас из элитаров, сейчас на него ставки десять к одному – на то, что не проиграет ни одной из двенадцати схваток «цикла Чемпиона».

– «Цикла Чемпиона»?

– Ну да. Ты что, даже правил не знаешь?

– Ах да, извини. Понял. – Я немного смутился. Действительно, только же читал – три схватки на роботах каждого из четырех классов. Получается ровно двенадцать побед, и ты в «дамках», то есть в чемпионах. – Нет, ставками я пока не интересуюсь. Только самой игрой.

– Да ты проходи, проходи, выбирай ложе, – оператор нетерпеливо махнул рукой, – справа, слева, любое, свободных у нас сегодня хватает, в игре масса ветеранов, а они предпочитают подключаться из своих квартир...

Чистая правда – я насчитал двенадцать сенслож, и только одно оказалось занято – тем самым Рамзесом, да и то еще не подключено. Странно, подумал я, подходя к ближайшему ложу, раз он элитар, то по идее тем более должен иметь для игры собственное оборудование, а не таскаться по клубам, как какой-то новичок...

– К Рамзесу это не относится, – продолжал беспечно трепаться оператор, – его оборудование недавно погорело, так что временно он снова почтил нас своим присутствием. Чтобы поставить на себя и заработать на обновку.

Этот парень что, читает мысли? Или их так просто прочесть на лице такого провинциала, как я?

– И то хорошо. А то от скуки и спятить недолго, у меня смена двадцать часов, и торчать здесь в одиночестве мало радости.

– Санч, будь добр, заткни хайло, – спокойно попросил Рамзес, не отрывая сосредоточенного взгляда от голограммы.

– Рамзес у нас исключительно вежливый малый, – насмешливо оскалился неугомонный Санч. – Даже гадости говорит с доброжелательной улыбкой, обижаться вроде как-то неудобно.

Невольно хмыкнув, я осторожно уселся на вытянутый овал ложементы, откинулся на полуопущенную спинку, поерзал, прислушиваясь к ощущениям. Удобно. Хотя модель и незнакомая, но весьма удобно. Сразу возникает своеобразное ощущение приятия. У меня дома техника стоит попроще – «Сфера». Я покосился на прозрачный колпак, нависающий сверху. Этого в моем игровом комплексе нет. Там лишь кресло и нейрошлем. Провинция, черт возьми. Надо будет поговорить с Дедом, чтобы заказал модели поновее, как в этом клубе.

Перехватив мой взгляд, Санч тут же принялся объяснять то, что мне и так было известно, видимо приняв за полного ламера:

– Популярно объясняю, как все это работает. Колпак необходим, чтобы отсечь от игрока внешний мир и сократить акустические, тактильные и визуальные ощущения до минимума. Видишь манипулятор справа от твоей головы? Не пугайся его вида, он вполне безобиден. На его конце гнездо коммуникатора – когда подключаешь его к лощману, ИскИн симулятора передает необходимые ощущения прямо в мозг и регистрирует ответные реакции. Возникает двусторонний обмен, создающий полную иллюзию пребывания в мире Глубокого погружения.

– Понятно. А почему Рамзес...

– Все еще не засунул свою юную задницу в самое пекло? – охотно подхватил Санч. – Элементарно. По правилам больше двух элитаров в игре находиться не должно – вояки такого класса слишком быстро раздолбят всех остальных неумех. Вот Рамзес и ждет, когда один из двух продвинутых коллег вылетит из игры. А произойдет это скоро, смотри сам.

Масштаб голограммы резко укрупнился, одновременно смещаясь в сторону, и резко остановился, когда виртуальная камера наблюдения прыгнула за невысокую горную грядку, чем-то смахивавшую на вросшую в землю челюсть великана с частично выбитыми и давно не чищенными каменными зубами. Здесь обнаружилась парочка не на шутку сцепившихся гигантов – «Разрушитель» и «Молот» – соответственно семьдесят пять и пятьдесят пять тонн. Человекоподобный «Разрушитель» в данный момент приближался к сильно поврежденному сопернику-кработу, с трудом пытающемуся подняться из многометровой воронки (видимо, выбитой в пологом склоне горы очередью из «химеры», прошедшей мимо цели). Двигался с явным намерением добить.

– Вот они, наши элитары, – откровенно любясь, прокомментировал оператор Санч, – не упустят случая продырявить друг другу бронированную шкуру.

Пока Санч болтал, «Молот» сумел подняться на ноги. Внешний облик этого робота вполне соответствовал названию – возьмите головку от самого обычного молотка, поставьте ее горизонтально, присобачьте к ней снизу диск поворотной платформы с парой длинных голенастых лап, вывернутых коленными суставами назад, затем прилепите по бокам корпуса пару толстых, но куцых ручонков с многочисленными креплениями подвесок для разнообразных видов вооружения. А затем все это дело увеличьте в энное количество раз, чтобы получился десятиметровый гигант, от шагов которого проседает каменистая почва... Роботов с таким обликом по давно устоявшейся терминологии принято называть крабовидными или кработами. А гуманоидных, раз уж пошли определения, – гуманами.

Порыв ветра развеял густое облако коричневой пыли, окутывавшей ноги «Молота», и сразу стало видно, что его правая нога сильно покалечена, зияющие прорехи в сорванной с коленного сустава броне обнажили уже частично оплавленные внутренние механизмы и искусственные биополимерные мышцы. Хирургически точный залп – и робот может лишиться ноги. А позади него, на фоне горной гряды, уже выросла грозный силуэт пятнадцатиметрового «Разрушителя». Рыла тяжелых ЭМУ – пушек «Химера-10» – по спарке на каждую руку, хищно рыскали зрчками стволов по искалеченному корпусу противника, выискивая, куда бы всадить следующую очередь и поставить точку в этой схватке. Впрочем, «Разрушитель» тоже не избежал повреждений – нагрудные секции брони, прикрывающие двигатель, были покороблены и оплавлены, явно удерживаясь на своем месте лишь на честном слове. Правое плечо, где раньше находилась ракетная установка, было буквально сорвано, обнажая внутренний скелет, невероятная прочность нанокompозитных материалов тоже небеспредельна. Похоже, генератор защитных полей вышел из строя от прямого попадания, и теперь за живучесть робота целиком отвечала лишь прочность самого корпуса.

Водитель «Молота» не стал дожидаться бесславного конца. Недалеко от места схватки горы разрубала глубокая расщелина, ощерившаяся острыми зазубренными краями, словно

гигантский рот, растянутый в бесконечной по протяженности ухмылке. Ширина провала в самом узком месте, судя по масштабам, составляла метров сорок. Туда-то «Молот» и подался. Из установленных на брюхе позади ног сопел прыжковых двигателей в грунт ударили яркие струи пламени, неповоротливая туша тяжело взмыла в воздух и поплыла через пропасть, плавно набирая ускорение.

«Разрушитель» судорожно дернул вслед стволами «химер» и уцелевшим лазерным оружием на левом плече прицеливался... но почему-то так и не решился всадить в соперника залп. Беспрепятственно преодолев опасный участок, «Молот» благополучно приземлился на той стороне провала и постарался как можно быстрее удрать из пределов видимости противника. Кработ качался как пьяный, заметно припадая на поврежденную ногу, но ему хватило десяти гигантских шагов, чтобы целиком скрыться за подходящим скалистым гребнем. А «Разрушитель», естественно, из-за непонятной заминки остался несолоно хлебавши – у него прыжковых движков не имелось. И догнать врага уже не представлялось возможным.

– Какого черта? – Я удивленно покосился на оператора. – Он же мог его запросто добить...

– Еще одна победа, – охотно пояснил Санч, – и Бола уйдет на отдых. Я имею в виду водителя «Разрушителя». Вот он и не торопится. Народу сегодня в симуляторе много, так что найти другую цель и разнести ее в пух и прах ему труда не составит. Да и Марс на своем «Молоте» вполне еще может завалить какого-нибудь новичка. Не про тебя будь сказано, конечно. – Оператор насмешливо подмигнул. – У Марса, кстати, ситуация с точностью до наоборот – еще один проигрыш, и он бесславно вылетает из «Противостояния» до лучших времен. Даже элитарам иногда крупно не везет.

– Бола просто экономит на снарядах, – ломким мальчишеским голосом проворчал Рамзес. – Его «Разрушитель» в игре уже больше двух часов, а боезапас «химер» не резиновый. Но из-за его скупердяйства я снова остался не у дел.

Санч хмыкнул, многозначительно показывая мне глазами на Рамзеса.

– Кстати, мой тебе совет – больше опасайся Рамзеса, чем этих двух. В каком бы он «мехе» ни сидел, он всегда чрезвычайно опасен. Непревзойденный боец, добраться до титула Чемпиона для него давно не проблема. Чтобы подольше оставаться в симуляторе, он иной раз сознательно идет на одно-два поражения или отпускает противника, как сейчас Бола.

Рамзес самодовольно ухмыльнулся и согласно кивнул:

– Мой девиз – хоть чума, хоть война, но игра должна продолжаться.

– Надеюсь, ты окажешься хорошим игроком и сможешь быстро перебраться в категорию рейдеров, у нас давно не было толковых новичков, – заявил вдруг Санч с таким видом, словно я уже дал согласие.

– А что для этого нужно?

– Одержат шесть побед над противником, что же еще. – Видимо, заметив, как у меня вытянулось лицо, Санч поспешил успокоить: – Да нет, ничего страшного и невыполнимого здесь нет, это же не «цикл Чемпиона», режим вполне щадящий, хотя бы по одной победе за сеанс погружения, и ты – в рейдерах. Правда, некоторые «деятели» не могут заработать этот статус и за полгода, – тут же уточнил Санч. – Ведь по условиям, если первая же схватка заканчивается поражением, то игрока просто выбрасывает из симулятора, чтобы избежать чрезмерного болевого шока... Но ты ведь не из таких слабаков? – Оператор поощрительно осклабился. – Ну так как? Ведь по глазам вижу, что ты готов, чего тянуть-то?

Я с трудом сдержал досадливую гримасу. Похоже, предложение придется принять, хотя бы для того, чтобы избавиться от его болтовни.

– Ладно. Что от меня требуется?

– Да ничего, – Санч азартно потер руки, словно только что свершил сделку века, – я все сделаю сам. Отслюнявь со своего банкоса десять кредо, и дело в шляпе.

Из кресла под правую руку тут же выехал короткий пенал с идентификационной панелью – устройство банкоприемника. Я положил на него запястье, окольцованное черным браслетом банкоса, и мысленно разрешил операцию на перевод денег со своего счета в кассу клуба.

– Принято, – весело сообщил Санч. – Отлично, теперь приступим!

Спинка кресла подо мной слегка подалась назад, сверху плавно опустился колпак, отрезая внешние звуки. Возле головы шевельнулся хобот манипулятора, мягко прикладываясь к виску. На виртуалке лощмана развернулась сводка таблиц сканирования моих мозговых характеристик, пустые окошки отдельных параметров стремительно заполнялись фиксированными цифрами, вспыхнуло сообщение: «Предварительный тест пройден успешно».

– Ну что, новичок, поехали?

Под колпаком голос оператора изменился, срываясь на рокочущие басы явно благодаря звуковому синтезатору.

– Я готов, – сухо ответил я. Своим неумным весельем этот тип меня здорово утомил.

– Тогда добро пожаловать в ад!

И голос этого клоуна вдруг перешел в ревуший демонический хохот.

В тот же момент меня замкнуло.

Глава 5

Урок боли

«Узел загрузки: 364 757. Сценарий: „Противостояние“.

Переход всегда немного неприятен.

Даже когда привыкаешь к этой процедуре, все равно в первые мгновения испытываешь дискомфорт. Восприятие своего «я» изменяется настолько, что испытываешь шоковое состояние; поэтому после загрузки нужно какое-то время, чтобы мозг адаптировался к новому «телу» и иной системе ориентации, чувств, приема информации. Неудивительно – ведь вместо семи-десяти килограммов привычной плоти и крови вдруг оказываешься обладателем чудовищной по человеческим меркам массы, сплошь состоящей из искусственных материалов.

В моем случае – сорока пяти тонн, которые я теперь и ощутил как свое тело.

Основные параметры роботизированной оболочки я мог прочесть уже сейчас, до включения рабочего режима. На вспомогательном графическом экранчике – окошко осмысленности в море пустоты, проступило схематическое изображение моего ИБРа. Для полноты обзора конструкция вращалась вокруг оси. Рядом вспыхнули строки технических данных. Итак, я оказался обладателем «Гончего» – боевого робота среднего класса, внешний облик которого можно было охарактеризовать как помесь краба с безголовым страусом. Яйцевидное тело корпуса, заостренное к носу, покоилось на мощных лапах шести метров высотой, из боков торчала пара недоразвитых ручонков с подвесками для вооружения. Типичный кработ. Что ж, могло быть и хуже. По крайней мере, «Гончий» – быстрый, маневренный робот.

Наконец система внутренней диагностики решила, что я готов к «функционированию», и перед глазами вспыхнула и развернулась панорама новой действительности. Человеческий мозг самой природой не приспособлен к объемному сферическому зрению, поэтому во избежание искажения восприятия и дезориентации в качестве «глаз» формируется система визуальных окон, транслирующих вид с разных сторон, в том числе сверху и снизу. Оказалось, что сценарий перенес меня на участок горной местности, подозрительно похожий на тот, который я только что видел на голоэкрane в клубе. Слева на сотни метров, упираясь вдаль в складки неприступных скал, тянулся относительно пологий горный склон, усеянный крупными каменными обломками – вероятно, след давнего обвала. Справа в пятнадцати метрах, склон обрывался в пропасть. Прыжковые движения у «Гончего» отсутствовали, так что пропасти следовало опасаться как огня – при падении с такой высоты никаких костей не соберешь, даже стальных или нанокompозитных.

Я включил антигравитационный привод двигателя, сразу ощутив, как резко уменьшился вес робота, повел руками-кульями, проверяя их подвижность, переступил с ноги на ногу, с тяжелым хрустом дробя и вдавливая щебень в землю мощными подошвами «Гончего». Сила любого, даже самого легкого робота всегда впечатляет. Особенно когда этот робот становится продолжением твоего тела... неверно, – когда становится твоим телом. Сорок пять тонн неукротимой силы и власти над окружающей действительностью, шквал восторга и упоения, значимость и целеустремленность, возведенные в высшую степень. Ощущаешь себя каким-то сказочным гигантом, которому подвластно все...

Но перейдем от эмоций к делу.

Вооружение рук оказалось стандартным для этой модели: на правой крепилась плазменная пушка «нова», а левая оканчивалась спаркой из «блеска» с «молнией» – лазерных орудий малой и средней мощности. Еще один «блеск» прикорнул на условном правом плече (в отличие от туманов у кработов нет выраженной человеческой анатомии, поэтому плечом принято считать верхнюю левую или правую часть корпуса), а условное левое плечо «украшала» ракетная

система залпового огня «Ветер-6». РСЗО представляет собой контейнер с шестью трубчатыми направляющими и механизм автоматической подачи. Да, еще под брюхом на манер основного мужского достоинства из подвижной платформы торчал шестиствольный крупнокалиберный пулемет «злюка», предназначенный для уничтожения живой силы. В данном сценарии пехоты не предвиделось, а против брони «мехов» пулемет практически бесполезен, так что учитывать его не стоило. А вот разведракеты, которые тоже должны входить в стандартную комплектацию вооружения робота, мне бы не помешали, но почему-то сценарием они предусмотрены не были. Их начинка состоит из миниатюрных видеокамер, способных после распыления на определенной высоте долгое время пассивно парить в воздухе – чтобы вести наблюдение, собирать и анализировать информацию. Иногда эти датчики еще называют «мошкаррой», или «разумной пылью». Без таких ракет возможность ведения разведки на сильно пересеченной местности существенно ограничена. А рельеф окружавшей меня местности иначе, как сложным, не назовешь – с большими перепадами высот, крутыми подъемами и спусками.

Ладно, настал момент размять ноги – чего я желал с большим нетерпением.

Быстренько прогнав тест на дееспособность по всему вооружению и убедившись, что все в порядке, я пожелал себе удачи и двинулся вдоль склона вперед. Даже не знаю, с чем сравнить это ощущение – когда вышагиваешь по местности огромными многометровыми шагами. Это как... вот, вроде подходящий пример – представьте себе, что вам всего пять лет, и вдруг вы оказываетесь в теле взрослого, например своего отца. В мировоззрении ребенка родитель выглядит внушительным и несокрушимым гигантом, который может все и который всегда способен вас защитить (если, конечно, вам вообще повезло с папашей, и он не дал вам повода думать о себе иначе). Так и с роботом после привычной телесной оболочки – ощущаешь себя очень, очень внушительно.

Из-за особенностей конструкции подвижность рук у «Гончего» не слишком велика, так что в бою приходится с помощью поворотной платформы довольно активно вращать самим корпусом, чтобы прицелиться и произвести выстрел на ходу. Но сейчас я занимался этим с удовольствием, грозно (как мне представлялось) поводя из стороны в сторону стволами «новы» и лазерных пушек и аккуратно переставляя «жилистые» лапы. К месту говоря, обзорная кабина с прозрачными панелями из бронестекла, откуда водитель мог бы наблюдать за обстановкой снаружи собственными глазами – как у игровых роботов самых древних – компьютерных игр, у моего «Гончего» отсутствовала. Подобная кабина всегда являлась самым уязвимым местом в роботе – стоило удачным попаданием убить водителя, и все эти тонны сверхмощных, надежных и весьма дорогостоящих механизмов, служащих ему оболочкой, сразу превращаются в бесполезную грудку хлама. Нашлось более грамотное решение – у всех нынешних ИБРов броня по всему корпусу глухая, без каких-либо внешних признаков гнезд и приспособлений для визуального обзора, из-за чего робот выглядит слепым. На самом деле обзор превосходный – робот оборудован специальной видеосистемой «Взгляд Бога». Система представляет собой тысячи микроскопических нанолинз, рассредоточенных по всей поверхности гиганта. Визуальные данные поступают прямоком в мозг водителя, соединенного с искусственным интеллектом машины в одно целое. Сам же водитель находится глубоко внутри робота, в специальном коконе-анабиозаторе, за множеством слоев надежной нанокompозитной брони, и достать там его спящее тело, пока бодрствует сознание, стало куда труднее, чем раньше. Вывести из строя «Взгляд Бога» практически невозможно – даже при очень сильных повреждениях поверхности корпуса всегда останутся уцелевшие участки с десятками и сотнями действующих «глаз», а компьютерная реконструкция с легкостью восстановит внешний обзор до полной сферической картинки.

Чтобы облегчить задачу по сканированию местности – на предмет поиска противника, я включил дополнительные аудиосенсоры. Так звуки вне пределов корпуса слышны гораздо лучше, а звуки работы внутренних механизмов и агрегатов, наоборот, отсекаются почти полностью. Когда придет время схватки, сенсоры придется приглушить, чтобы внешний фон не

отвлекал, но сейчас повышенная чувствительность мне не мешает. Если враг подкрадется в режиме скрытности или притаится в каком-нибудь ущелье за скалами, коих здесь хватало, я его услышу. А вот электромагнитную завесу пока включать не стоило. Штука полезная, но, во-первых, ЭМ-завеса эффективна только против низкоскоростных снарядов и осколков, а во-вторых, «фонит» с такой силой, что применять ее имеет смысл уже при непосредственном столкновении, когда ты обнаружен и никакая маскировка уже не возымеет эффекта. Я уже давно не мальчик для битья в «гэпэшках» подобного рода и понимал толк в этих вопросах...

Результаты сканирования не заставили себя ждать. На мониторе карты местности появилась красная точка цели, дальность – шесть километров. Несколько минут бега для «Гончего». Класс вражеского робота пока не определялся, его система постановки помех вступила в противоборство с моим радаром. Я не собирался торопить события, поэтому продолжал идти размеренным, неспешным шагом, тщательно изучая путь. Некоторые из беспорядочно устилавших путь валунов были высотой по колено робота, так что каждую лапу следовало ставить осмотрительно, чтобы ее не заклинило и не повредило при рывке.

Вскоре я выбрался на участок поровнее, где влажная серая почва без малейших признаков растительности была усеяна лишь относительно мелким щебнем, и прибавил шагу, стараясь не приближаться к пропасти, тянувшейся справа. Антиграв антигравом, а край под такой тяжестью мог и обвалиться. Цепочка отпечатков гигантских лап, чем-то напоминающих птичьи, безотрывно тянулась за «Гончим», выдавая направление движения – кто-нибудь мог этим и воспользоваться, чтобы зайти в тыл. Но пока кругом было чисто...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.